

Ямила Нарт

**СОЗДАТЬ
КАК ШАСТИ
ЗЛОДЕЯ**

18+

Ямиля Нарт

Как (енаџти) создать злодея

<https://litres.ru/73886281>

SelfPub; 2026

Аннотация

Джеймс — грядущий Повелитель Тьмы, по чьей вине погибли все, кого я любила.

Я вернулась в прошлое, чтобы спасти несчастного сироту и не дать ему стать монстром.

Я знала, что это будет сложно. Но я не знала, что его холодный ум примет мою доброту не как дар, а как вызов. Что его детская тоска по близости перерастёт не в благодарность, а в яростную, всепоглощающую одержимость.

Он всё ещё жаждет тьмы. Джеймс заиклен на мне до такой степени, что готов разрушить мир, лишь бы удержать меня.

А в моем сердце, полном ненависти, неожиданно расцвела любовь.

И будущее меняется.

Содержание

Глава 1. Джеймс: огонь и лёд	4
Глава 2. Пепел	18
Глава 3. Дом	29
Глава 4. Джеймс: утро	41
Глава 5. Джеймс: когда тебя выбирают	51
Глава 6. Дистанция	61
Глава 7. Джеймс: природа магии	72
Глава 8. Чужие дети	86
Глава 9. Джеймс: незваная	99
Глава 10. Джеймс: трещины	113
Глава 11. Айви: точка невозврата	132
Глава 12. Оттепель	150
Глава 13. Джеймс: экскурсия по миру	169
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Ямиля Нарт Как (€на€ти) создать злодея

Глава 1. Джеймс: огонь и лёд

784 год от Эры Истинных Магов (ЭИМ)

В каждой легенде о чудовище есть глава, которую никогда не рассказывают детям. Та, где чудовище ещё было человеком. И кто-то протягивал ему руку — или отворачивался навсегда.

Из народных сказаний Северных земель

«Серая Гавань» была местом, куда общество ссылало всё, о чём предпочитало не вспоминать: сирот, подкидышей, неудачников. И тут жил Джеймс Каин, которому было четырнадцать лет, и который был уверен, что из всех несправедливостей мира его заточение здесь — самая вопиющая.

Он сидел на подоконнике в общей комнате, спиной к голону и тупому топоту играющих детей, и читал. Книга была потрёпанная, с выпадающими страницами. В нём рассказывалось о философах и, что важнее, о Двух Дворах.

В школе приюта, куда детей водили три раза в неделю, учителя старательно избегали оценок. Они рассказывали ис-

торию магии нейтрально, как о давно минувших событиях: Благой Двор и Неблагой, их вечный спор о чести и силе, о традициях и свободе. Детей не настраивали ни против одного, ни против другого — в мире всё ещё было полно представителей обоих Дворов, и никто не знал, кого из них встретит ребёнок, выйдя за ворота приюта.

Но Джеймс читал между строк. Всё, что происходило после той войны, что отгремела почти пятнадцать лет назад, в 770-м, и официально закончилась мирным договором, говорило само за себя. Неблагой Двор победил. У них было больше предпочтений, больше власти, больше денег. Их философия — «сильный прав» — стала негласным законом мира.

И тем не менее, Джеймса тянуло к другому. Кодекс Благого Двора, заучиваемый наизусть в школе, звучал в его голове как музыка.

Память предков – бесценна.

Он впитывал идеи о порядке, разуме и власти с такой жадностью, с какой другие дети набрасывались на сладкую кашу.

Он чувствовал себя особенным. Нет, он знал, что он особенный. Его ум был острее, мысли — ядовитее, а где-то глубоко внутри, прямо под грудной клеткой, жило что-то тёплое и дикое, что иногда пыталось вырваться наружу. Он называл это своим зверем. Его единственным ключом к великому будущему.

— Смотрите-ка, Каин снова уткнулся в свою умную книжку, — раздался знакомый, нарочито громкий голос. — Что,

своей жизни не хватает, вот и выдумываешь себе дружку?

Это был Томас, широколицый и широкоплечий пятнадцатилетний обитатель приюта, чьё главное развлечение состояло в том, чтобы напоминать Джеймсу о его месте.

Пять лет назад Томас и его прихлебатели развлекались тем, что засовывали голову Джеймса в унитаз. Четыре года назад они отобрали у него первую и единственную игрушку — деревянную лошадку, которую подарила одна из проходящих дам, и сломали её у него на глазах. Три года назад Томас повалил его в грязь и долго тер лицом о землю, пока Джеймс захлёбывался. А потом что-то в Джеймсе щёлкнуло. Мокрая, холодная земля под Томасом вдруг ожила, обвила его руки и ноги липкой хваткой, и Томасу потребовалось полчаса и помощь двух попечительниц, чтобы высвободиться. С тех пор Томас остерегался всерьёз издеваться над ним.

А Джеймс научился время от времени выпускать своего внутреннего зверя на короткую прогулку — ровно настолько, чтобы все помнили, чем это может кончиться. Это был хрупкий, нервный мир, но он был лучше прежнего.

Джеймс медленно перевернул страницу, не оборачиваясь. Он презирал Томаса. Презирал его тупые, как у быка, глаза, его грубые руки и примитивную уверенность в том, что физическая сила — это вершина развития.

— Я с тобой не разговариваю, Томас, — произнёс Джеймс спокойно. — Я веду беседу с людьми, которые умерли сотни лет назад. Они, кстати, куда интереснее.

— А я думаю, тебе не помешает урок вежливости, — проворчал Томас. Он не подошёл ближе. Он сделал то, что делал всегда — резко махнул рукой, сбивая книгу у Джеймса с колен.

Книга шлёпнулась в лужу на полу. В комнате замерли. Джеймс медленно поднял взгляд. Тёплый комок в груди зашевелился, заурчал.

— Подними, — сказал Джеймс тихо.

— Сам подними, колдунишка, — фыркнул Томас, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

Именно в этот момент что-то внутри Джеймса щёлкнуло. Тёплая дикость в груди взметнулась, как змея.

Чашка с водой, стоявшая на табуретке рядом, вздрогнула. Плотная струя, больше похожая на жидкий хлыст, ударила Томасу прямо в лицо, с такой силой, что он отшатнулся.

— Что за... — булькнул он, отплёвываясь и вытирая глаза.

В комнате повисла абсолютная тишина. Дети смотрели то на мокрого, кашляющего Томаса, то на Джеймса.

Дети отодвинулись, прошептав слово «колдовство». Джеймс не боялся наказания. Попечительницы приюта давно махнули на него рукой, считая его странным и тихим, а главное — предпочитая не замечать того, чего не могли объяснить. Его необузданная сила была его единственной защитой. И проклятием, которое уже трижды возвращало его обратно в эти стены.

На следующий день во двор «Серой Гавани» въехала карета.

Первой его увидела Эми.

— Смотрите! — голос Эми был таким взволнованным, что Джеймс невольно оторвал взгляд от книги.

Ах, это. Карета.

Приют был не самым популярным местом, но иногда его посещали идиоты, которые хотели стать родителями, выбирая самого серого из серых. В первые годы Джеймс жадно смотрел на них, улыбался, когда они улыбались, вежливо отвечал на самые глупые вопросы, надеясь вопреки всему, что на этот раз его выберут. Что его потенциал — даже этот дикий, неудобный — наконец-то заметят и примут.

Его забирали. Три раза. И трижды возвращали.

Первая семья, ремесленники, сочли его «нервным и портящим имущество», после того как от его ночных кошмаров в детской растрескалась вся штукатурка.

Вторая, мелкие торговцы, сдали его обратно через полгода, испуганно лепеча что-то о «неуправляемых вспышках» и испорченном товаре, который вдруг начинал гнить или покрывался плесенью, едва Джеймс, расстроенный, проходил мимо.

Третья попытка была самой странной — пожилая пара, назвавшая себя «знатоками древних традиций». Они попытались учить Джеймса классической магии. Их уроки сво-

дились к заучиванию дурацких стишков и попыткам заставить его зажечь свечу силой мысли. У Джеймса же получалось только одно: когда терпение лопалось, в комнате взрывались оконные стёкла или внезапно налетал вихрь, сметающий полки с безделушками.

— Дар твой дик и необуздан, мальчик, — сказал ему на прощание старик, раздражённо и с долей брезгливости. — Ты необучаем.

И его, как бракованную вещь, вернули в «Серую Гавань».

Попечительница Маргарет, старая корова, всегда пыталась скрыть его от любопытных взрослых, представляя его последним или шепча что-то о нём, пока они не начинали бояться даже смотреть в его сторону.

Горечь и обида быстро сменились яростью, но в конце концов уступили место безразличию.

Пусть эти родители выбирают других детей. Пусть они продолжают жить своей бессмысленной, скучной жизнью. Его сила была иной — грубой, неукротимой, чужой даже для тех, кто якобы понимал в магии. Ему не нужна была ничья помощь. Не нужны были учителя, которые лишь тыкали бы в него пальцем и говорили, что он неправильный.

Карета была тёмно-синей, почти чёрной, с лаконичным, но чётким гербом на дверце — что-то вроде стилизованной снежинки или кристалла. Из кареты вышла девушка. Или женщина. Определить было сложно.

Лицо у нее было юное, гладкое, но волосы — абсолютно

седые, спадали прямой пепельной волной до плеч. Глаза у незнакомки были голубыми, как зимнее небо, в них стояла такая усталость, будто она не спала лет сто. Одежда её тоже не подходила ни под одно из понятий детей о знатных особах. Прочные, тёмные штаны, сапоги по колено, длинный серый плащ и под ним — тонкий кожаный ремень, на котором висел изящный, но недвусмысленный кинжал. Она выглядела хрупкой, как стебелёк, и при этом — будто только что вернулась с долгой дороги.

Когда к карете с любопытством и визгом сбежалась толпа детей, её лицо исказила чистая, животная паника. Она отшатнулась, вскочила обратно в экипаж и что-то резко приказала кучеру. Карета развернулась и покатила прочь от ворот, оставив всех в полном недоумении.

Джеймс, наблюдавший из окна коридора второго этажа, фыркнул.

Иногда такое тоже случалось. Маленькие идиоты старались слишком сильно, и богатые дамочки выбегали в слезах, слишком расстроенные необходимостью выбирать одного и оставлять других с разбитым сердцем. Но эта леди установила совершенно новый рекорд.

Но через полчаса она вернулась. На этот раз леди Айви — так представилась она гораздо позже — вышла твёрдой походкой. Лицо её было теперь спокойным, каменным. Она велела кучеру вынести несколько простых, но крепких деревянных ящиков и начала раздавать подарки.

Это были полезные вещи: тёплые носки из хорошей шерсти, маленькие складные ножи для мальчиков, прочные гребни и ленты для девочек, мешочки с леденцами. Дети, забыв про странности, столпились вокруг, протягивая руки. Леди Айви раздавала всё методично, с каким-то отстранённым видом, кивая и иногда касаясь ладонью чьей-то головы. Её движения были точными, но в них не было тепла.

Джеймс наблюдал за этим со своего привычного места на крыльце. Он ждал, когда её внимание упадёт на него — самого умного, самого особенного в этом зверинце, и, чего греха таить, самого красивого. Он видел, как её усталый взгляд скользнул по нему один раз, потом другой, и ничего. Она просто продолжила раздавать свои благотворительные подачки. И когда очередь закончилась, а он так и остался стоять в стороне, в воздухе повисло молчание. Потом послышался смешок. Томас, уже почти оправившийся от вчерашнего унижения, не удержался.

— Видимо, чудакам подарков не полагается, — громко сказал он, и несколько детей захихикали.

Джеймс почувствовал, как жаркая волна стыда и ярости поднялась у него к горлу. Его пальцы сжались. Дикая сила в груди зашевелилась, требуя выхода, чтобы стереть эти глупые ухмылки с их лиц.

Нежелательный. Незначительный. Нежелательный.

Он готов был устроить такое...

— Тихо.

Голос леди Айви прозвучал негромко, но так, что его услышал каждый. Он был холодным, ровным и обладал такой абсолютной уверенностью, что даже Томас замолчал.

Она повернулась к попечительнице Маргарет, стоявшей рядом с растерянной улыбкой.

— Я пришла сюда не только для раздачи подарков, — сказала леди Айви тем же безразличным тоном. — Я пришла за конкретным ребёнком. В соответствии с постановлением Совета Магов и с одобрения Канцелярии опеки, с сегодняшнего дня я вступаю в права личного наставника Джеймса Каина. Он уезжает со мной.

Тишина, которая воцарилась во дворе «Серой Гавани», была настолько полной, что в ней стало слышно далёкий крик чайки над морем. Все головы повернулись к Джеймсу. Попечительница Маргарет раскрыла рот. Томас побледнел. А Джеймс просто стоял, чувствуя, как мир вокруг него резко качнулся и встал на новую, неведомую ось. Но вместе с головокружительным азартом в нём кольнуло ледяное, привычное недоверие. Совет Магов. Значит, она из их мира. Из того мира, где его дар уже называли диким и необучаемым.

Леди Айви повернула голову и наконец-то взглянула на Джеймса. В ее взгляде не было ни тепла, ни одобрения.

— Собери свои вещи. У тебя есть час.

И она, не оглядываясь на остолбеневшую толпу и на перекошенное от изумления лицо сестры Маргарет, направилась в здание приюта.

Джеймс нагнал ее в длинном, темном коридоре первого этажа, пахнущем капустой и сыростью.

— Почему? — выпалил он, забыв о всяких приличиях. — Вы даже не знаете меня.

Она остановилась и посмотрела на него. Вблизи её усталые глаза выглядели ещё старше. Она казалась хрупкой, но в ее позе не было ни капли неуверенности.

— Я знаю, что ты — Джеймс Каин. Тебе четырнадцать лет. Ты попал сюда почти сразу после рождения, когда твоя мать, одинокая прачка с окраин, умерла от лихорадки. Знаю, что с тех пор ты прошел через три семьи. И в каждой не прижился из-за своего поганого характера, — её голос был монотонным. — И знаю, что твою силу называли дикой и неподдающейся контролю. Знаю, что тебе говорили, будто ты не способен научиться.

— Тогда зачем? — прошипел Джеймс. — Чтобы попробовать и сдать обратно, когда станет понятно, что они были правы? Я уже проходил это.

— Потому что они были не правы, — ответила она просто. — Твоя сила иная. Она требует иного подхода. И я знаю, какого.

— Кто вы, чтобы это знать? — спросил он, сжимая кулаки.

— Леди Айви из дома Хейвен, — ответила она. — Магистр льда и Страж северных рубежей. А теперь отойди. У меня есть бумаги, которые нужно подписать, чтобы выта-

щить тебя из этой ямы. Или ты не хочешь уйти отсюда?

Она обошла его, оставив стоять в коридоре с бьющимся сердцем и роем противоречивых мыслей.

Его каморка, которую он делил с двумя другими мальчишками, была убогой даже по меркам приюта. Когда леди Айви вошла туда позже, она, казалось, даже не заметила обшарпанных стен и скрипучей койки. Она села на единственный табурет, указывая Джеймсу сесть на кровать.

— Я видела, как ты колдуешь, — начала она без преамбулы, — Я сразу поняла, что ты другой.

В груди Джеймса вспыхнуло ликование, но он поспешил скрыть свои чувства. Он не собирался поддаваться лести. Он не был настолько наивен.

— А что умеете вы? — спросил Джеймс, с вызовом глядя на её кинжал.

В ответ леди Айви просто подняла руку. Воздух вокруг её руки сгустился, заискрился мельчайшей ледяной пылью. И на глазах у Джеймса, из ничего, начал расти кристалл. Он был совершенен. Абсолютно прозрачный, с чёткими, геометрически безупречными гранями, он медленно повисал над её ладонью, переливаясь в тусклом свете лампы.

— Это искусство, — тихо сказала Айви. — Это дисциплина.

Она разжала пальцы. Кристалл не упал. Он растаял в воздухе за секунду, не оставив ни капли влаги.

— Магия, — прошептал Джеймс. — Если у нас есть ма-

гия, это делает нас...

— Волшебниками, — теперь леди Айви смотрела на него без всякого холода. Она казалась сочувствующей. — Я поняла, что ты один из них, когда увидела тебя. Я знаю, каково это — быть с людьми, которые тебя не хотят, которые ненавидят тебя за то, что ты существуешь. Поэтому я решила помочь.

— Вы будете учить меня? — голос Джеймса звучал хрипло. Он не мог отвести глаз от того места, где только что висел ледяной шедевр.

— Да.

— Почему? — повторил он свой главный вопрос, впиваясь в неё взглядом. — Вы — какая-то важная леди, Магистр, Страж. Я — никто. Сирота из приюта.

Леди Айви отвела взгляд. Она смотрела в грязное окошко, за которым садился вечер.

— Потому что я знаю, каково это — быть изгоем в мире, который должен быть твоим домом, — произнесла она тихо. — И потому что я знаю, что с твоим даром можно сделать, если направить его. Я берусь за тебя не из милости. Я вижу потенциал.

Она что-то скрывала. За этим предложением, за этой неожиданной опекой, за всей её ледяной уверенностью стояла какая-то личная история, какая-то боль, о которой она не собиралась говорить.

И именно это решило всё для Джеймса. Чистое предложение помощи вызвало бы у него подозрение. Но предложение

помощи, отягощённое чьей-то тайной, чьей-то скрытой слабостью — это было уже интересно. Это был не просто шанс. Это была сделка. Взаимная выгода. Он получит знание, силу, принадлежность к миру магов. А она... она получит что-то своё. И он обязательно узнает, что именно.

— Я согласен, — сказал он твёрдо, подавляя дрожь в голосе. — Но если это снова не сработает...

— Тогда ты будешь в праве считать меня шарлатанкой, — закончила за него леди Айви, поднимаясь. — Жду тебя у кареты.

Она вышла, оставив его одного в убогой каморке. Джеймс стоял посреди комнаты, слушая, как ее шаги затихают на лестнице. Чувство головокружительного азарта еще не отпускало его, но теперь к нему примешивалось нечто новое — острое, холодное любопытство. Его первой настоящей целью было не просто научиться контролировать свою силу. Его целью было раскрыть тайну, которую скрывала леди Айви из дома Хейвен.

Он собрал свои немногочисленные вещи и спустился вниз к девушке, которая стояла на пороге приюта.

— Я готов, — невинно сказал Джеймс, сжимая в руках свою маленькую сумку. Остальные дети бросали на него завистливые и полные ненависти взгляды, и леди Айви, должно быть, заметила их, потому что внезапно замедлила шаг, подождала Джеймса и взяла его за руку.

Джеймсу не нравились прикосновения, но в данных об-

стоятельствах он не возражал.

Ухмыляясь над маленькими глупцами, он сильнее сжал руку леди Айви.

Затем он шагнул за порог приюта, в новый мир, твёрдо намереваясь либо покорить его, либо сжечь дотла.

Глава 2. Пепел

Карета катилась по мощеной дороге, унося их прочь от Серой Гавани, и Айви смотрела в окно на проплывающие мимо поля, но видела совсем другое.

Она видела пепел.

Он сыпался с неба третий день подряд — серый, мелкий, похожий на снег, если не знать, что это такое на самом деле. Она сидела на груде битого камня, которая когда-то была стеной их общежития в Академии, и смотрела на то, что осталось от библиотеки. Книги горели хорошо. Это был новый, 804 год, который ознаменовался уничтожением Академии магии.

Рядом сидел Кайл.

— Знаешь, — сказал он, вытирая лицо рукавом и размазывая копоть еще сильнее, — когда я поступал, думал, что самое страшное здесь — это экзамен по теории магических полей. Помнишь тот билет про стационарные плетения седьмого порядка? Я три ночи не спал.

Айви хотела улыбнуться, но лицо не слушалось. Она просто смотрела, как угол библиотеки проваливается внутрь с шипением и облаком искр.

— Ты сдал, — сказала она. — Я помню. Ты потом еще неделю ходил и рассказывал всем, что пересдача тебе не гро-

зит.

— И не грозила, — Кайл кашлянул.

Слева кто-то закричал. Айви не повернула голову. Она уже знала, что там — раненые, умирающие, те, кому помощь уже не нужна, но они все равно кричат, потому что это единственное, что им осталось.

Академия Магии имени Королевы Элайзы была не просто школой — это был целый город, втиснутый в долину между тремя горными хребтами. Туда Айви попала в четырнадцать, и это был первый раз в жизни, когда она не чувствовала себя лишней. Не потому что в приюте к ней плохо относились — относились по-разному, но в основном просто никак. Десятки детей, у которых нет родителей, сливаются в серую массу, и если ты не орешь громче всех и не дерешься лучше всех, тебя просто не замечают. Айви не орала и не дралась. Она читала.

В Академии она нашла то, чего никогда не было в приюте: порядок. Понятные правила, за нарушение которых следовало понятное наказание. Понятные задачи, которые можно было решить, если приложить усилия. Ей нравилось учиться. Ей нравилось, что магия слушалась, если делать все правильно, если выучить теорию и отработать практику до седьмого пота. В мире, где все было сложно и непонятно, магия была простой.

Четыре года пролетели как один день. Лекции, практикумы, тренировки до изнеможения, бессонные ночи в биб-

библиотеке. Друзья появились сами собой — Кевин, веселый парень с юга, который мог рассмешить кого угодно даже в самый мрачный день; Лин, тихая девушка с печальными глазами, которая видела будущее в воде и старалась никому об этом не говорить, потому что будущее всегда было так себе; Рори, здоровяк из семьи потомственных кузнецов, который мог при желании свернуть гору голыми руками, но предпочитал чинить магические артефакты.

Она помнила, как они сидели вчетвером на крыше общежития в ночь перед выпускным. Рори вырезал фигурки из дерева — его маленькое, тайное хобби. Кевин показывал им карточный фокус, который только что выучил, и, судя по его лицу, сам не до конца понимал, как он работает. Лин сидела чуть в стороне, уплетая конфеты. Она любила сладкое до одержимости.

Кайл тогда сидел рядом с Айви, и показывал новое выученное заклинание левой рукой. Он был левшой и стеснялся этого — в магическом мире левшей считали «неправильными», и он до конца жизни прятал левую руку в карман или под плащ, когда колдовал при посторонних. Рядом с близкими он колдовал свободно, и это было знаком абсолютного доверия.

Они были ее семьей. Первой настоящей семьей в жизни.

Она не знала тогда, что через три дня после выпуска Кевин погибнет, прикрывая её. Что Лин выбросится из башни, потому что увидит в воде только тьму и ничего больше.

Что Рори упадет замертво, когда тень вырвет его сердце прямо сквозь защиту.

Потому что пришел Джеймс Каин.

Он развязал Вторую Войну Дворов, в которой погибли Кевин, Лин и Рори. Он убил её мужа Кайла, двух её дочерей-близняшек, Лизу и Марту, и уничтожил всю её жизнь.

Конечно, этот Джеймс пока ничего не знал. Этому было четырнадцать, и он сжимал в руках тощую сумку так, будто кто-то мог её отобрать, и смотрел на неё с таким же подозрением, с каким голодная дворняга смотрит на человека, протянувшего кусок хлеба.

Он был слишком молодым. Слишком худым. Но всё еще похожий на того, кто приказал сжечь семейный особняк её мужа вместе с теми, кто там прятался.

Айви закрыла глаза, и память накрыла её с головой.

В Академию она поступила в четырнадцать, и магистр Торн, старый маг с руками в старческих пятнах и длинными усами, что почти доставали до плеч, сказал ей тогда:

— Ледяная магия. Редкий дар. Будешь стараться — далеко пойдёшь. Но запомни: стихия не прощает слабости. Либо ты управляешь ею, либо она уничтожит тебя. Третьего не дано

Она старалась. В академии она старалась так, как стараются только те, кому некуда возвращаться. Пока другие студенты обсуждали каникулы и жаловались на скудные угощения в столовой, Айви сидела в библиотеке и чита-

ла всё подряд — от теории магических потоков до истории Двух Дворов, от трактатов по этике до запрещённых книг по тёмным ритуалам.

Айви выросла в мире, где «сильный прав» было не просто правилом, а единственным законом, который работал. В приюте это означало, что никто не заступится за тебя, если ты слабый. В Академии — что тебя будут мерить силой, а не умом. Она привыкла к этому. Но когда родились Лиза и Марта, она вдруг поняла, что не хочет, чтобы они росли в таком мире.

На третьем курсе она познакомилась с Кайлом. Он учился на боевого мага, и смеялся так громко, что в библиотеке на них шикали. Они поженились сразу после её выпуска, который был отмечен войной за Академию. Ей тогда было восемнадцать, и ещё через год родились Лиза и Марта — близняшки, рыжие, веснушчатые, похожие на отца как две капли воды. Они успели прожить всего пару недель.

Айви было всего девятнадцать, когда Кайл погиб в первом же крупном сражении, едва успев увидеть своих детей. Отряд Тьмы устроил засаду на южном тракте, и он прикрывал отход мирных жителей. Она узнала об этом через три дня, когда гонец привёз его обручальное кольцо и окровавленный платок.

Еще через две недели Повелитель Тьмы пришёл в их дом. Кто-то донёс, что в поместье прячутся беженцы из сто-

лицы. Он не стал разбираться. Он просто приказал сжечь всё дотла.

Айви вернулась с патрулирования и нашла только пепелище и два маленьких обгоревших тела, положенных у ворот — будто издеваясь, будто хотели, чтобы она увидела.

Она помнила, как стояла на коленях в этом пепле и не могла плакать, потому что слёзы просто не шли. Внутри всё пересохло, сжалось в комок льда, который потом так и не растаял до конца.

Война, длившаяся почти год, наконец закончилась. Повелителя Тьмы убили. Маги объединились — впервые за много лет, — и нанесли удар. Повелителя Тьмы убили ценой огромного самопожертвования пятнадцати магов. То, что от него осталось, сожгли на костре, а пепел развеяли над морем. Айви стояла в толпе и смотрела, как горит огонь, и думала, что теперь будет легче.

Но легче не стало. Потому что магия в мире начала уходить.

Сначала это заметили только старые маги, те, кто помнил, как пахнет воздух, насыщенный силой. Потом заклинания стали требовать большие усилия. Потом границы между мирами истончились, и твари из-за Завесы начали прорываться чаще.

Айви поняла, в чём дело, когда нашла старую книгу по истории Благого Двора. Там было написано: магия — это не бесконечный ресурс. Это цикл. Маги берут силу из мира, но

должны возвращать её через ритуалы. Когда Неблагой Двор победил, они отменили ритуалы. Они просто брали и брали, не отдавая ничего взамен. И теперь мир начал умирать.

Она пошла к Богине Магии – Светлой Госпоже. В храме на Одинокой скале, где ветер дует так сильно, что камень стирается в пыль, она провела три дня и три ночи, молясь и отдавая свою силу, пока та почти не иссякла.

Богиня явилась ей на рассвете третьего дня. Она была прекрасна и ужасна одновременно, соткана из света и пустоты, и голос её звучал прямо в голове Айви.

— Ты знаешь, что нужно сделать.

— Я знаю, — ответила Айви. — Нужен лидер. Нужен тот, кто сможет объединить магов и заставить их вернуться к ритуалам. Но тот, кто мог бы это сделать...

— Мёртв, — закончила Богиня. — Но время — это не прямая линия. Я могу отправить тебя назад, к истоку. Но цена будет высока.

— Какая цена?

— Ты вернёшься в то время, когда Джеймс Каин еще был человеком, когда ты сама даже не родилась. И ты должна будешь воспитать его заново. Ты должна сделать так, чтобы он стал тем, кто спасёт мир, а не уничтожит его. Он не должен снова стать безумным, не должен проводить демонические ритуалы над своей душой.

Айви молчала долго. Внизу, под скалой, море билось о камни.

— Я согласна, — сказала она наконец.

Богиня протянула руку и коснулась её лба.

— Ты получишь новое имя, новый род, новое место в этом мире. Ты станешь леди Айви из дома Хейвен — основательницей рода. Титул будет ждать тебя. Всё, что тебе нужно сделать — доказать, что ты достойна.

Она очнулась в лесу, в снегу, и первое, что почувствовала — холод. Настоящий холод, а не тот мертвый, который был в мире умирающей магии. Она села, огляделась. Деревья, небо, солнце. Ни тепла. Ни дыма.

Она была в прошлом.

Айви выбралась из леса, добралась до ближайшего поселения, узнала, какой сейчас год. Она переместилась на двадцать два года назад. Ее родители еще не встретились. Она сама еще не родилась. Ей было девятнадцать — столько же, сколько в момент перемещения, но в этом времени она была никем, безродной девушкой с седыми волосами.

Айви встала, отряхнула снег и пошла на запад, туда, где, по словам Богини, её ждал особняк. Она шла три дня, питаюсь кореньями и ягодами, которые умудрялись расти даже в снегу, и на четвертый день вышла к обрыву над морем.

Особняк стоял на краю скалы — серый, увитый плющом, с башенкой и флюгером в виде снежинки. Он был пуст, но дверь открылась от одного прикосновения, и внутри пахло сухими травами и старым деревом.

В холле на столике лежали документы. Гербовая бума-

га с золотым тиснением, печать Совета Магов: «Дому Хейвен возвращается его законное владение. Леди Айви Хейвен утверждается в правах наследования».

Богиня не обманула.

Айви обошла особняк, нашла спальню с большой кроватью, кухню с кладовой, полной припасов, библиотеку с книгами, которых она никогда не видела. В кабинете на столе лежала карта северных рубежей с пометками о местах прорывов Завесы.

Она села в кресло, обтянутое потертой кожей, и впервые за долгое время позволила себе заплакать.

На следующий день она пошла в ближайший город, наняла экономку — миссис Брукс, пожилую женщину с добрыми глазами и мужем, который работал садовником, — и отправилась в Стражу.

Вербовочный пункт находился в старом форте на границе. Капитан Стражи, мужчина с лицом, изрезанным шрамами, посмотрел на неё с сомнением.

— Сколько вам лет, леди?

— Девятнадцать, — ответила Айви.

— И вы хотите в Стражу? Знаете, что там делают? Тварей убивают. Рубежи держат. Это не для девушек занятие.

Айви ничего не ответила. Она просто подняла руку и создала ледяную стену, которая перегородила весь двор форта от стены до стены. Стена была три метра в высоту и полмет-

ра в толщину, и кристаллы льда переливались на солнце так, что смотреть было больно.

Капитан открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Магистр, — сказал он наконец. — Вы Магистр льда.

— Да, — ответила Айви.

— Как такое возможно в вашем возрасте?

— Бывает, — сказала Айви. — Если очень постараться.

Она не стала объяснять, что от её умений зависели жизни.

Что она видела смерть и знала цену каждому своему движению.

Капитан посмотрел на неё долгим взглядом, потом кивнул.

— Добро пожаловать в Стражу, леди Хейвен. Посмотрим, что вы умеете на деле.

На деле она умела многое. За год службы она участвовала в четырнадцати отражениях прорывов, убила трёх тварей высшего порядка, спасла двадцать три жизни и ни разу не пропустила удар. К концу года капитан, который теперь смотрел на неё без всякого сомнения, подписал представление на звание Магистра.

Совет Магов утвердил его через месяц. Айви стала Магистром льда — самой молодой за всю историю — и получила должность Стража северных рубежей. Это значило, что она отвечает за безопасность границы, где Завеса тоньше всего и твари могут прорываться в мир.

Пока прорывы случались редко. Но Айви знала — чем

больше магия будет истощаться в будущем, тем чаще они будут нападать. И если Джеймс не станет тем, кем должен стать, мир ждет та же участь, что и в её времени.

Она откладывала момент встречи, потому что знала: как только она увидит его, обратной дороги не будет.

Но время шло. Джеймсу Каину уже было четырнадцать.

Она не могла ждать дольше.

Айви подала прошение в Совет Магов, используя свой статус Магистра льда и Стража. Она написала, что нашла одарённого ребёнка, который требует особого подхода, и что готова взять на себя ответственность за его обучение. Совет удивился — обычно Магистры не рвались возиться с подростками, — но возражать не стал.

Документы подписали за три дня.

Глава 3. Дом

784 год от Эры Истинных Магов (ЭИМ)

И вот теперь она сидела в карете напротив него, и у неё чесались руки от желания схватить его за горло и сжать, пока хруст позвонков не заглушит стук копыт по мостовой.

Вместо этого она сказала:

— Ты голоден?

Джеймс посмотрел на неё с подозрением.

— Конечно, — ответил он.

Она протянула ему свёрток с бутербродами, которые взяла в трактире перед отъездом. Он взял их так, будто она могла в любой момент отдёргнуть руку, и начал есть быстро, почти не жуя, поглядывая на неё поверх хлеба.

— Не торопись, — сказала Айви. — Еды хватит. До особняка ехать ещё часа три.

Он кивнул, но есть медленнее не стал.

Она вспоминала, как стояла на коленях в пепле и сжимала в руках обгоревший кусочек ткани от платья Лизы — синего, с белыми цветочками, которое она сшила сама.

Она вспоминала, как смотрела на костёр, в котором сгорало тело Повелителя Тьмы, и не чувствовала ничего, кроме пустоты.

— Вы какая-то грустная, — сказал вдруг Джеймс.

Айви повернулась к нему. Он смотрел на неё в упор, и в

его взгляде не было ни капли той детской наивности. Был холодный расчёт и любопытство учёного, рассматривающего новый вид жуков.

— Я просто устала, — ответила она. — Дорога была долгой.

— Вы сами приехали за мной, — заметил он. — Могли бы послать кого-нибудь.

— Могла бы. Но не послала.

— Почему?

— Потому что ты важнее, чем думаешь.

Он моргнул, и впервые в его глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность. Важнее. Его никогда никто не называл важным. Его называли проблемой, обузой, бракованным материалом. Но не важным.

— Я не верю в добрых фей, — сказал он после паузы. — Там всегда приходит кто-то и забирает сироту в прекрасную жизнь, а потом оказывается, что этот кто-то хочет съесть его печень или что-то в этом роде.

— Я не собираюсь есть твою печень, — серьёзно ответила Айви. — У меня достаточно денег, чтобы есть нормальную еду.

Он снова моргнул, а потом вдруг фыркнул.

— Вы странная, — сказал он.

— Я знаю, — согласилась Айви.

Она смотрела в окно на проплывающие поля и думала о том, что этот мальчик, который сейчас сидит напротив и пы-

тается её раскусить, через двадцать лет убьёт тысячи людей. А она будет стоять на его пепле и чувствовать только пустоту.

Или не будет. Потому что она здесь, чтобы этого не допустить.

Карета качнулась на очередном ухабе, и Джеймс, не удержав равновесия, чуть не слетел с сиденья. Айви машинально протянула руку, чтобы поймать его, и он отдёргнулся так резко, что стукнулся головой о стенку.

— Не трогайте меня, — выдохнул он, и в его голосе проступило что-то первобытное, звериное.

Айви убрала руку.

— Извини, — сказала она спокойно. — Я не хотела тебя напугать.

— Я не испугался, — огрызнулся он, потирая ушибленное место. — Я просто не люблю, когда ко мне прикасаются без спроса.

— Буду иметь в виду.

Он посмотрел на неё с подозрением, ожидая насмешки, но она просто смотрела в окно, и в её лице было столько усталости, сколько он не видел ни у одного взрослого.

— Вы правда будете меня учить? — спросил он наконец.

— Правда.

— И чему?

— Всему, что знаю сама. Контроль, дисциплина, история магии, боевые заклинания. И ещё кое-чему, чему в академии не учат.

— Чему, например?

— Например, тому, что магия — это не только сила. Это ответственность. И если ты не готов за неё платить, она сожрёт тебя целиком и даже не поперхнётся.

Он задумался. В приюте ему говорили другое. Там говорили, что магия — это дар, что сильным всё позволено, что если у тебя есть сила, ты можешь брать всё, что захочешь. Эта женщина говорила иначе. Она говорила так, будто магия — это какой-то хищный зверь, которого нужно держать на коротком поводке.

— А вы платили? — спросил он.

Айви долго молчала. Поля за окном сменились лесом, и в карете стало темнее. В этом полумраке её седые волосы казались почти белыми, а глаза — чёрными.

— Платила, — сказала она наконец. — И буду платить до конца своих дней.

— И что вы заплатили?

— Слишком много, чтобы рассказывать об этом в карете. Когда-нибудь, я тебе расскажу. Если ты будешь готов услышать.

— Когда?

— Когда ты научишься доверять мне настолько, чтобы не использовать эту информацию против меня.

Джеймс моргнул. Похоже, такого ответа он не ожидал.

— Вы думаете, я могу использовать что-то против вас?

— Я думаю, ты можешь использовать все что угодно про-

тив кого угодно, если считаешь это выгодным, — сказала Айви. — И я тебя за это не виню. В мире, где ты вырос, это нормально. Но со мной это не пройдет. Я не враг.

Джеймс смотрел на нее долго, очень долго, и Айви чувствовала этот взгляд каждой клеткой. Она знала, что он видит — молодую женщину с седыми волосами и глазами старухи, которая говорит загадками и явно что-то скрывает.

— Хорошо, — сказал Джеймс наконец. — Я подожду.

Он откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза, но не спал — Айви чувствовала, что он продолжает наблюдать сквозь опущенные веки. Умный мальчик. Опасный мальчик.

Она снова позволила памяти утянуть себя в прошлое.

Джеймс Каин появлялся в Академии, когда Айви училась. Он приезжал не учиться — он был уже легендой, лидером нового движения. Студенты сбегались послушать его пламенные речи в Главном зале о величии и новом порядке. Высокий, темноволосый, с правильными чертами лица и глазами, в которых плескалось что-то такое, от чего хотелось отвести взгляд. Ему тогда было уже под тридцать пять.

Говорили, что он из Неблагого Двора, но речи толкал как заправский благодворец — о чести, о традициях, о том, что маги забыли свой долг перед предками.

— Мы берем магию, но не возвращаем, — говорил он в Главном зале, и студенты слушали, раскрыв рты. — Ритуалы предков забыты. Мы как дети, которые нашли клад и тратят монеты, не задумываясь, что они когда-нибудь кончатся. А

магия кончается. Вы чувствуете? Воздух становится суше. Заклинания требуют больше сил. Мы убиваем свой мир, и никто ничего не делает.

Айви тогда еще подумала — странно. Вроде все правильно говорит, а слушать неприятно. Слишком уверенно говорит. Будто он не призывает, а уже приказал, и просто ждет, когда все догадаются подчиниться.

Он быстро набрал сторонников в свое время. В основном из Благого Двора, хотя были и из Неблагого, и вообще безродные, которым просто хотелось принадлежать к чему-то большому и важному. Джеймс давал им это чувство — принадлежности, избранности, величия. Он говорил: «Мы построим новый порядок. Мы вернем магии ее истинную силу. Мы будем править, но править по праву, по чести, а не по праву сильного»

Айви в его компанию не пошла. Кевин дернул ее за рукав после одной из лекций и сказал: «Слушай, мне этот тип не нравится. Глаза у него... ну, ты понимаешь».

Айви понимала. У нее у самой от этих глаз мурашки бежали по коже.

Лин, которая видела будущее, вообще отказалась подходить к Джеймсу ближе, чем на десять шагов. «Там темнота», — сказала она один раз и больше никогда не комментировала.

Рори просто пожимал плечами: «Пусть себе говорит. Нам-

то что?»

Айви тогда не придавала значения. Она заканчивала Академию, готовилась к выпускным экзаменам, строила планы. Кевин и Рори собирались открыть свою лавку артефактов, Лин хотела открыть кондитерскую, а они с Кайлом уже готовились к свадьбе.

Все было хорошо.

А в 804 году началась война. Айви тогда только исполнилось восемнадцать...

Он шел по землям магов, и города падали перед ним. Его армия росла — к нему шли не только авантюристы, но и те, кому просто надоела старая власть, кто хотел перемен любой ценой, кто верил, что хаос — это и есть новый порядок.

Академия держалась дольше всех. Три дня осады, маги ставили щиты днем и ночью, студенты сменяли друг друга у стен, старые архивы растащили на ритуалы. Айви тогда уже три дня как не была студенткой — она стала боевым магом, как и все, кто мог держать в руках заклинание. Кевин прикрывал ее слева, Рори — справа, Кайл шел рядом, а Лин сидела в башне и смотрела в свои чаши с водой, пытаясь увидеть хоть один путь к спасению.

Она не увидела.

Щиты пали на рассвете. Айви помнила этот момент — как воздух вдруг стал тяжелым, как лопнула защитная сфера с звуком, от которого заложило уши, как в пролом хлынули тени. Не люди — именно тени, порождения той силы, что

выпустил Повелитель тьмы.

— Держи щит! — закричал кто-то, и она держала.

Они держались против теней три часа. Магистр Торн погиб первым — принял на себя удар, который должен был разнести пол-Академии, и просто рассыпался пеплом. Рори упал через час — тень прошла сквозь его защиту и вырвала сердце, он даже не успел закричать. Лин сошла с ума в своей башне, когда увидела, что будущего нет вообще — только тьма, и бросилась вниз.

Кевин держался до последнего. Он прикрывал Айви, когда они отступали к библиотеке — последнему оплоту, где еще теплилась защита.

— Беги, — сказал он, когда тени окружили их со всех сторон. — Я задержу.

— Кевин, нет...

— Беги, дура, — он улыбнулся той самой улыбкой, которой улыбался всегда — легко, будто ничего особенного не происходит. — Встретимся в лучшем мире. Там, наверное, пирожки с капустой раздают бесплатно.

Она побежала. Потому что если бы она не побежала, его смерть была бы бессмысленной. А Кевин не заслуживал бессмысленной смерти.

Она бежала и слышала за спиной его голос, читающий заклинание — последнее, самое сильное, то, после которого не выживают.

Взрыв был такой силы, что Айви отбросило на двадцать

шагов и врезало головой о стену.

Она очнулась в пепле.

Кевин сдержал тени. Ценой себя.

Айви сидела в пепле и смотрела, как горит библиотека. И думала — зачем? Зачем все это? Зачем учиться, стараться, дружить, любить, если в конце концов приходит какой-то ублюдок с комплексом бога и сжигает все дотла?

Особняк Хейвен стоял на краю обрыва, и море внизу билось о скалы так же, как тогда, на Одинокой скале, когда Айви заключала сделку с Богиней. Джеймс вышел из кареты и замер, глядя на серые стены, увитые плющом, на высокие окна, в которых отражалось закатное небо, на башенку с флюгером в виде снежинки.

— Это ваше? — спросил он.

— Наше, — поправила Айви. — Теперь это и твой дом тоже.

Он обернулся к ней, и в его глазах снова мелькнуло то странное выражение — смесь недоверия и жадного любопытства.

— Надолго? — спросил он.

— Навсегда, — ответила Айви. — Если ты сам не захочешь уйти.

— А если захочу?

— Тогда уйдёшь. Но сначала научись тому, чему я могу тебя научить. А потом решай.

Он кивнул, принимая условия, и пошёл за ней к дому. У

дверей их встречала пожилая женщина в переднике — экономка.

— Миссис Брукс, это Джеймс, — сказала Айви. — Он будет жить здесь. Покажите ему его комнату и проследите, чтобы он поужинал.

— Конечно, миледи, — экономка улыбнулась Джеймсу. — Идёмте, молодой господин. У нас сегодня тушёное мясо с овощами и яблочный пирог на десерт.

Джеймс посмотрел на неё так, будто она предложила ему жареного дракона, но пошёл следом.

Богиня Магии сказала тогда на скале: «Ты должна воспитать его заново». И Айви согласилась, не представляя, как это будет.

Теперь она начинала понимать.

Это будет каждый день смотреть в глаза человека, который убил твоих детей, и не иметь права его ударить. Это будет учить его тому, чему учила бы своих, если бы они остались живы. Это будет видеть в нём чудовище и надеяться, что чудовище можно сделать человеком, если очень постараться и если Богиня не ошиблась в расчётах.

Айви поднялась по лестнице следом за ним и постучала в дверь комнаты, которую приготовила для него месяц назад. Он открыл почти сразу — видимо, стоял под дверью и ждал.

— Всё в порядке? — спросила она.

— Да, — ответил он. И добавил, помолчав: — Тут очень чисто.

— Миссис Брукс постаралась.

— И кровать большая.

— Ты можешь спать посередине, если хочешь.

Он хмыкнул — почти смешок — и отошёл в сторону, впуская её в комнату. Айви огляделась: кровать с белым бельём, письменный стол у окна, шкаф для одежды, камин, в котором уже горел огонь. Всё как она просила.

— Завтра мы начнём занятия, — сказала она. — В девять утра, в библиотеке. Не опаздывай.

— Не буду, — пообещал он. И вдруг спросил: — А можно вопрос?

— Можно.

— Вы правда думаете, что у меня получится? Ну, научиться контролировать магию? Потому что до вас все говорили, что я безнадёжен.

Айви посмотрела на него. На его тонкие руки, сжимающие край сумки, на его напряжённые плечи, на его глаза, в которых билось что-то тёмное и живое, и на мгновение она увидела не его, а другого — того, взрослого, который стоял в кабинете и предлагал ей перейти на его сторону. Но видела и мальчишку, который впервые в жизни оказался в комнате с настоящей кроватью и не знал, можно ли ей доверять.

— Я не думаю, — сказала она твёрдо. — Я знаю. Вопрос в том, захочешь ли ты учиться по-настоящему.

— Захочу, — ответил он быстро. Слишком быстро.

— Посмотрим, — сказала Айви. — Спокойной ночи, Джеймс.

— Спокойной ночи, леди Айви, — ответил он, и она вышла, закрыв за собой дверь.

Она прошла в свою комнату в конце коридора, села на кровать и долго сидела неподвижно, глядя в стену. Внизу шумело море, и в этом шуме ей чудились голоса — Лизы и Марты, плачущих в темноте, Кайла, кричащего её имя перед смертью.

Она легла, не раздеваясь, и смотрела в потолок до самого рассвета.

А в комнате в другом конце коридора Джеймс Каин сидел на большой белой кровати, сжимал в руках свою тощую сумку и думал о том, что эта женщина определённо что-то скрывает. Что-то важное. Что-то, что имело отношение к нему.

Он обязательно это выяснит. Он выяснит всё, а потом решит, что с этим делать.

А пока можно было позволить себе поспать на чистой простыне и не ждать, что кто-то придёт и отнимет это счастье. Потому что если она его обманула, то платить по счетам она будет потом. А пока — пока можно просто лежать и слушать, как шумит море.

Он закрыл глаза и провалился в сон без сновидений — первый такой сон за много лет.

Глава 4. Джеймс: утро

Утро в особняке Хейвен пахло морем, старым деревом и чем-то ещё, чему Джеймс не мог подобрать названия. Солнце ещё только золотило горизонт за окном, когда в дверь постучали — негромко, но настойчиво.

Джеймс проснулся мгновенно, как просыпаются звери в лесу — всем телом сразу, без раскочки. Он сел на кровати, чувствуя, как бешено колотится сердце, и постарался успокоить дыхание.

— Доброе утро, молодой господин, — в комнату вошла экономка, миссис Брукс, и голос её был доброжелательным и совершенно неопасным. — Леди Айви велела передать вам это.

Она положила на стул стопку одежды. Джеймс смотрел на неё и пытался понять, не сон ли это. Ткань была мягкой, тёмно-синей, с серебристой нитью по воротнику — ничего общего с серым мешком, который он носил в приюте.

— Это мне? — спросил он на всякий случай, потому что в его опыте вещи просто так не давали. За них всегда приходилось платить, и обычно плата оказывалась выше, чем хотелось бы.

— Вам, молодой господин, — миссис Брукс улыбнулась так, будто он сказал что-то забавное. — Леди Айви сказала, что после завтрака вы отправитесь в город за покупками.

Нужно же вас одеть как подобает.

Джеймс кивнул и сделал то, что умел лучше всего: включил своё обаяние. Он улыбнулся экономке той улыбкой, которую отработывал годами — немного застенчивой, немного благодарной, такой, от которой у сердобольных тётушек таяло сердце, и они готовы были простить ему всё что угодно.

— Спасибо, миссис Брукс, — сказал он, глядя на неё снизу вверх чистыми глазами. — Вы очень добрая. Я... я никогда не носил такой красивой одежды.

Экономка тут же подобрела. Щёки её порозовели, и она засуетилась, поправляя подушку на кровати, хотя подушка лежала идеально.

— Ох, что вы, молодой господин, это всё леди Айви, это она распорядилась, — запричитала она, но по тому, как она улыбалась, было ясно — стрела попала точно в цель. — Я просто передаю.

— Всё равно спасибо, — Джеймс улыбнулся ещё теплее. — Вы так заботитесь обо мне. А можно вас спросить? Про леди Айви?

Миссис Брукс замерла на мгновение, но Джеймс уже понял: ключик подошёл. Женщины его возраста обожали делиться секретами, особенно если тот, кто спрашивал, смотрел на них с таким искренним восхищением.

— Что именно вы хотите узнать, молодой господин?

— Она... она всегда такая? — Джеймс изобразил лёгкую грусть. — Ну, немного холодная? Я просто подумал, может,

я сделал что-то не так? Она вчера смотрела на меня так странно.

— Ох, милый, — миссис Брукс присела на краешек стула, и голос её стал тише, заговорщицки. — Леди Айви много работает. Стража северных рубежей — это не шутка. Устаёт, наверное. Но вы не думайте, она хорошая. Просто... Думаю, слишком много всего пережила.

Джеймс кивнул, запоминая каждое слово.

— А кто такая леди Айви на самом деле? — спросил он как можно небрежнее.

— О, это долгая история, — миссис Брукс понизила голос, хотя в коридоре никого не было. — Говорят, она появилась из ниоткуда год назад. Просто пришла в Совет Магов, предъявила документы на этот особняк и сказала, что она последняя из рода Хейвен. Ей поверили — бумаги были в порядке, магия при ней. А через год она уже была Магистром льда. Самая молодая за всю историю. И Стражем. Вы только представьте: всего двадцать — и уже Магистр. Такое только в сказках бывает.

— Пришла из ниоткуда, — повторил Джеймс задумчиво.

Джеймс про себя отметил: экономка больше ничего не знает.

— Спасибо вам, миссис Брукс, — сказал он ласково. — Вы мне очень помогли. Я пойду умываться.

— Конечно, конечно, молодой господин, — засуетилась экономка. — А завтрак будет через полчаса в малой столо-

вой. Леди Айви ждёт вас там.

Экономка помогла ему настроить воду в специальном артефакте, он помылся, натянул новую рубашку и штаны, и вышел в коридор.

Особняк днём выглядел иначе, чем вечером. Солнце лилось в высокие окна, и пылинки танцевали в его лучах, как маленькие золотые рыбки. Джеймс шёл по коридору и считал двери: спальня, ещё спальня, библиотека, и наконец лестница вниз, в малую столовую.

Он нашёл её по запаху еды. Желудок свело судорогой — вчерашний бутерброд в карете был давно, а сегодня он ещё ничего не ел.

Айви сидела во главе длинного стола, и при виде её Джеймс чуть не споткнулся на пороге. При дневном свете она выглядела ещё моложе. Она была в тёмно-сером платье, простом, но дорогом, и пила чай из тонкой фарфоровой чашки.

— Садись, — сказала она, кивнув на стул напротив.

Джеймс сел напротив неё, хотя ему больше хотелось сесть сбоку, чтобы видеть её лицо и одновременно контролировать пространство вокруг. Но правила этикета, видимо, требовали именно такого расположения, и он решил пока не нарушать их.

Джеймс сел и уставился на стол. Стол был накрыт так, как Джеймс никогда не видел.

Там стояли тарелки с яичницей, с беконом, с тостами, с

джемом, с маслом, с какой-то кашей в глубокой миске, и ещё куча всего, что он даже не мог опознать. Но больше всего его поразили приборы. Слева от тарелки лежали две вилки разного размера, справа — два ножа и ложка, а сверху, над тарелкой, ещё какие-то ложки и вилочки, назначения которых он не понимал.

Леди Айви проследила за его взглядом и чуть заметно улыбнулась.

— Видишь эти приборы? — спросила она. — Это не просто столовое серебро. Это целая наука. И с сегодняшнего дня ты будешь её изучать.

Джеймс нахмурился.

— Я умею есть ложкой, — сказал он. — И вилкой тоже.

— Ложкой и вилкой умеют есть все, — согласилась Айви. — Но ложка ложке рознь. И вилка вилке. За этим столом важно не только что ты ешь, но и как ты это делаешь. Потому что через несколько месяцев ты пойдёшь учиться в Академию Магии, и там на тебя будут смотреть в оба. Если ты будешь выглядеть как человек, воспитанный вульгарами, хорошей репутации тебе не видать.

— Вульгарами? — Джеймс не знал этого слова, но по тому, как леди Айви его произнесла, догадался, что это не комплимент.

— Обычными людьми. Теми, у кого нет магии. Или теми, кто ею пренебрегает. В мире магов к вульгарам относятся

по-разному, но в Академии ты встретишься с теми, кто считает их низшими существами. Я не разделяю это мнение, но считаю нужным предупредить: если ты не хочешь заработать плохую репутацию, ты должен знать правила их игры.

Джеймс отложил ложку, которой уже собрался есть овсянку, и посмотрел на Айви с тем острым вниманием, с каким он обычно смотрел на людей, от которых зависела его жизнь.

— Расскажите, — потребовал он. — Всё расскажите.

Айви отпила чай и поставила чашку на блюде.

— Маги в этом мире делятся на две большие группы, — начала она. — Потомственные — те, кто родился в магических семьях, у кого родители, бабушки и дедушки тоже были магами. И новая кровь — те, у кого дар проявился сам по себе, без всякой магической родословной. К новым относятся по-разному. Кто-то считает их самозванцами, кто-то — надеждой магического мира.

Джеймс кивнул. Он читал об этом. Потомственные маги — те, у кого магия в роду была всегда. Новая кровь — те, у кого дар проснулся внезапно, как у него. В книгах писали, что разница не важна, но между строк читалось другое.

— А вы, — спросил он, — Вы потомственная?

— Я основала дом Хейвен, — ответила Айви. — А мои родители были обычными людьми. Но это не делает меня лучше или хуже. Просто открывает некоторые двери. И закрывает другие.

Джеймс хотел спросить, какие двери закрыты для неё, но

вовремя прикусил язык.

— Но факт остаётся фактом: в Академии ты будешь среди тех, кто знает о магии с пелёнок. И они будут проверять тебя на прочность.

— Проверять? — Джеймс усмехнулся. — Пусть проверяют. Я справлюсь.

— Справишься, — согласилась Айви. — Если научишься не лезть в драку при каждом косом взгляде. Магия — это не только сила. Это ещё и политика. И прежде чем ты начнёшь изучать заклинания, тебе придётся изучить расклад сил.

Она помолчала, давая ему время переварить информацию, а потом спросила:

— Что ты знаешь о Дворах? — спросила вдруг Айви.

Джеймс выпрямился. Это была его тема. Он читал о Дворах всё, что мог найти в приютской библиотеке, и даже то, что нашёл в книгах, которые учителя приносили из дома.

— Благой Двор и Неблагой, — сказал он чётко, как на экзамене. — Благой — за традиции, за честь, за память предков. Неблагой — за силу, за свободу, за прогресс. Первая Война Дворов случилась лет двадцать назад, и официально был подписан равный мирный договор, а по факту — Неблагой победил. Теперь их философия главная. Сильный всегда прав. И магию можно брать, сколько хочешь, потому что она дана нам по праву рождения. Так написано в книгах.

Айви слушала его с непроницаемым лицом, и только в уголках её губ таилось что-то похожее на горечь.

— В книгах, — повторила она. — В книгах много чего написано. И чья сторона тебе ближе?

Он посмотрел на неё внимательно, пытаясь угадать правильный ответ. Но Айви смотрела спокойно, без подсказки.

— Благой, — сказал он наконец. — Там порядок. Там понятно, кто кем должен быть. И честь — это не просто слово.

Айви кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то странное — то ли боль, то ли узнавание.

— Многие думают так, — сказала она. — Особенно те, кто вырос в грязи и мечтает о порядке. Но Благой Двор — это не только честь и традиции. Они застряли в прошлом, поклоняются предкам, устраивают бесконечные ритуалы, но боятся сделать шаг вперёд. Их честь часто оборачивается лицемерием и презрением ко всем, кто не вписывается в их рамки. Я сама видела, как мальчика, у которого дар проснулся поздно, затравили так, что он утопился в озере.

Джеймс слушал, не перебивая. Он никогда не слышал, чтобы кто-то говорил о магах так — без прикрас.

— А Неблагой? — спросил он.

— Неблагой тоже имеет свои недостатки, — Айви отставила чашку. — Они говорят о свободе, а на деле у них правит сила. Сильный всегда прав, слабый всегда виноват. Там можно всё, если ты достаточно силён, чтобы это всё себе позволить. Работорговля, кабальные контракты, убийства без суда и следствия. И они смотрят в будущее, не оглядываясь на прошлое. Забывая, что прошлое — это фундамент, на кото-

ром стоит любое будущее.

— А вы? — спросил Джеймс. — Вы за кого?

Айви посмотрела на него долгим взглядом.

— Я против консервативности Благого, — сказала она медленно. — Но я также не поддерживаю излишнюю беспечность Неблагого. Я за баланс. За то, чтобы брать лучшее от обеих сторон и не скатываться в крайности. К сожалению, в мире магов таких, как я, мало. Большинство выбирает сторону и стоит на ней насмерть, даже когда эта сторона ведёт в пропасть.

Она замолчала, и в этом молчании было столько горечи, что Джеймс невольно поёжился. Он не понимал, откуда у молодой женщины с титулом и домом такая горечь, но запомнил это чувство. Пригодится.

Он чувствовал, что этот разговор был чем-то большим, чем просто лекция о магической политике. Леди Айви говорила с ним как с равным — не как с ребёнком, не как с учеником, а как с человеком, который способен понять сложность мира. Это было непривычно. Это было... приятно.

Он быстро подавил это чувство. Привязанность — слабость. Слабость — смерть. Он это усвоил давно и твёрдо.

— Доедай, — сказала Айви, вставая. — Через десять минут выходим. Я создам накидку, чтобы ты не замёрз.

Джеймс доел быстро, почти не жуя, и выскочил во двор, где Айви уже ждала его. Она стояла посреди мощёной площадки перед особняком, и ветер трепал её седые волосы. Ко-

гда Джеймс подбежал, она подняла руку.

И соткала из воздуха накидку.

Глава 5. Джеймс: когда тебя выбирают

Джеймс замер, глядя, как из ничего начинают сплетаться нити. Они были бледно-голубыми, почти прозрачными, и каждая нить ложилась на место с математической точностью, пока не образовалась плотная тёплая ткань, которая опустилась ему на плечи.

— Как? — выдохнул он, забыв обо всём на свете. — Как вы это сделали?

Внутри него что-то загорелось жадным, голодным огнём. Вот она, магия. Не та дикая, неуправляемая сила, которая иногда выплёскивалась из него в приступе ярости, а настоящее искусство. Дисциплина. Контроль.

— Это просто, — сказала Айви. — Временное превращение воздуха в ткань. Основам тебя научат в Академии.

— Но вы же можете! — Джеймс шагнул к ней, и в голосе его зазвучали требовательные нотки. — Вы можете прямо сейчас!

Он схватил её за руку, и Айви отдёрнулась так резко, будто он был раскалённым железом.

Джеймс мгновенно перестроился. Он отпустил её руку, отступил на шаг и улыбнулся приятной улыбкой — застенчивой, виноватой.

— Извините, — сказал он мягко. — Я просто... я никогда не видел такой магии. Она прекрасна. Спасибо вам за накидку. Правда спасибо.

Айви бросила на него странный, расстроенный взгляд.

— Не надо, — сказала Айви устало. — Не надо этого делать.

— Чего не надо? — Джеймс постарался изобразить непонимание, но вышло плохо. Он сам это чувствовал.

— Притворяться, — ответила Айви. — Ты очень талантливый манипулятор, Джеймс. Ты включаешь обаяние, когда тебе что-то нужно. Ты говоришь людям то, что они хотят услышать. С миссис Брукс это сработало, со мной — нет. Я вижу тебя насквозь. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Не восторг и не благодарность. Ты чувствуешь жадность. Ты хочешь эту силу. Ты хочешь знать, как её получить, как её использовать, как сделать так, чтобы никто никогда не смог тебя обидеть. И ты готов играть любую роль, чтобы это получить. Я права?

Джеймс замер. Впервые в жизни его раскусили так быстро и так беспощадно. Он стоял и не знал, что делать — врать дальше или признавать поражение.

— Я не... — начал он.

— Не надо, — перебила Айви. — Я не злюсь. Я понимаю, почему ты такой. В мире, где ты вырос, это единственный способ выжить. Но со мной это не нужно. Я и так знаю, кто ты. И я всё равно здесь.

Она отвернулась и достала из кармана маленький металлический предмет, похожий на брошь с тусклым кристаллом в центре.

— Это маячок, — сказала она, меняя тему так резко, что у Джеймса закружилась голова. — Артефакт телепортации. С его помощью мы переместимся в Дагду.

— Телепортации? — переспросил Джеймс, пытаясь переварить сразу всё. — Тогда почему мы вчера не телепортировались из приюта?

— Потому что маячок работает только в местах с большим магическим фоном, — объяснила Айви, протягивая ему руку. — Иначе для активации потребуется столько магии, сколько у меня просто нет. А здесь, рядом с особняком, фон высокий.

— Понятно, — сказал Джеймс. — А куда мы телепортируемся?

— В Дагду. Это небольшой городок, один из полностью магических поселений. Таких несколько: Луг, Дагда, Нуаду, Фаль. Они расположены далеко от городов обычных людей, в местах с высоким фоном магии. Там живут в основном маги, там же находится Академия, особняки потомственных магов, магазины с магическими товарами. Ты там ещё не раз побываешь.

Она протянула ему руку.

— Держись за меня. И не отпускай, пока я не скажу.

Джеймс взял её за руку, стараясь не сжимать слишком

сильно и не думать о том, что она только что назвала его манипулятором и сказала, что видит его насквозь. Это было... странно. Неприятно. Но в то же время где-то глубоко внутри шевельнулось что-то, чему он не мог подобрать названия. Её слова «я и так знаю, кто ты, и я всё равно здесь» застряли в голове, как заноза.

Айви активировала артефакт, и мир вокруг них схлопнулся в точку, а потом взорвался обратно.

Они стояли посреди улицы, вымощенной булыжником, и Джеймс с удивлением понял, что его не тошнит. В книгах писали, что от телепортации обычно тошнит. Наверное, везение наконец-то повернулось к нему лицом.

Город вокруг был... странным. Дома здесь стояли не так, как в обычных городах — не ровными рядами, а будто их раскидали по прихоти великана. Один дом был высоким и узким, с остроконечной крышей, другой — приземистым и широким, с плоской кровлей, третий и вовсе напоминал гриб, выросший из земли. Но все они были сделаны из камня, и все светились изнутри слабым магическим светом.

— Это Дагда, — сказала Айви, отпуская его руку. — Здесь живут в основном маги, вульгаров почти нет. В Дагде находится филиал Академии Магии, особняки потомственных родов и лучшие магазины магических товаров.

— Почему они такие странные? — спросил Джеймс, оглядываясь по сторонам. — Дома, я имею в виду.

— Потому что их строили маги, — ответила Айви, свора-

чивая в переулок. — Каждый строил, как хотел, без оглядки на соседей. Магический фон здесь настолько высок, что дома могут стоять как угодно — их держит магия, а не законы физики. Идём, нам в лавку готового платья.

В центре площади бил фонтан, и вода в нём переливалась всеми цветами радуги. В воздухе пахло морем и ещё чем-то сладким, будто цвели невидимые цветы. Мимо ходили люди — странные люди. Кто-то был одет как обычные горожане, кто-то — в длинные мантии, расшитые символами, кто-то — вообще в кожу и меха, будто собрался на охоту. У некоторых из-за плеча выглядывали посохи, на поясах висели мечи и кинжалы, а одна женщина прошла мимо в сопровождении существа, похожего на большого ящера, который семенил за ней на задних лапах и нёс в передних корзину с продуктами.

Джеймс замер, разглядывая всё это, и почувствовал, как внутри у него разгорается тот самый жадный огонь. Это был мир, о котором он мечтал. Мир, в который он всегда хотел попасть. И теперь он стоял в самом его центре.

Она повела его через площадь в узкую улочку, заставленную лавками. Над каждой висела вывеска — не просто доска с названием, а настоящее магическое объявление, которое менялось, переливалось, иногда показывало прямо в воздухе картинки того, что продаётся внутри.

В первой лавке, куда они зашли, пахло кожей и деревом. Там Айви купила ему дорожную сумку — не чета той тощей

торбе, с которой он приехал, — и пояс с отделениями для мелочей.

— Бери то, что хочешь, — сказала она, когда Джеймс замешкался перед полкой с кошельками. — И не экономь. У меня достаточно денег.

Джеймс взял кошелёк. Потом маленький ножик в ножнах, который можно было спрятать в рукаве. Айви проследила за его выбором, но ничего не сказала, только кивнула продавцу, чтобы завернул.

В следующей лавке продавали одежду. Здесь Джеймс развернулся по полной. Он выбирал вещи тщательно, долго, примеряя перед зеркалом и советуясь с Айви. Не потому что ему нужно было её мнение — он просто проверял, насколько далеко может зайти. Она позволяла всё. Кивала, платила, упаковывала вещи в отдельные свёртки.

— А это зачем? — спросил Джеймс, когда она купила ему шерстяной шарф, хотя на улице было тепло.

— В Академии зимой холодно, — ответила Айви. — Стены там старые, магический обогрев включают только в главных залах. В спальнях приходится греться самим.

Джеймс запомнил. В Академии холодно.

В лавке с книгами он пробыл больше часа. Айви не торопила, сидела в углу на лавке и смотрела в окно, пока Джеймс перебирал фолианты по истории магии, по теории заклинаний, по этикету магического общества. Он взял всё, что показалось полезным, и ещё несколько книг просто потому, что

у них были красивые обложки.

Они ходили по лавкам до самого вечера. Джеймс примерял ботинки, выбирал перчатки, спорил с продавцом магических безделушек о том, работает ли на самом деле амулет, обещающий удачу на экзаменах (продавец клялся, что работает, Джеймс подозревал, что это просто красивая побрякушка, но на всякий случай взял). Айви всё это время держалась рядом, но на расстоянии. Она не прикасалась к нему, не брала за руку, не поправляла воротник. Только платила и кивала.

К концу дня у Джеймса было столько вещей, что он с трудом мог их нести. Айви щёлкнула пальцами, и рядом с ними появился носильщик — не человек, а какое-то существо, похожее на сгусток тумана, который послушно подхватил все свёртки и пошёл следом.

— Это служебный дух, — объяснила Айви, видя его любопытство. — В магических городах их можно нанять за небольшую плату. Очень удобно.

— А научиться такому можно? — спросил Джеймс жадно.

— Можно, — ответила Айви. — Но не сразу. Сначала надо научиться контролировать свою собственную силу, а потом уже призывать чужую.

Джеймс кивнул и пошёл дальше, разглядывая прохожих, дома, вывески, всё это невероятное место, которое теперь должно было стать частью его жизни.

И вдруг он поймал себя на мысли, что ему хочется, что-

бы Айви посмотрела на него иначе. Не как на подопечного, не как на ученика, не как на проблему, которую нужно решить. Чтобы она улыбнулась ему по-настоящему, как улыбалась миссис Брукс, когда он поблагодарил её за завтрак.

Айви сказала, что видит его насквозь. И при этом она не ушла. Не испугалась. Не отправила обратно.

Он кусал губу и думал. Она знает, что он манипулирует. Значит, манипуляции с ней не сработают. Но если не манипуляции, то что? Как заставить её доверять ему, если она уже знает, кто он такой на самом деле?

В особняк они вернулись уже к вечеру. Миссис Брукс накрыла ужин в малой столовой, и Джеймс снова сидел напротив Айви и пытался понять, как есть суп, когда ложек вокруг целых три. Айви молчала, и он молчал, потому что не знал, что говорить после её утренних слов.

После ужина она ушла в библиотеку, и Джеймс, поколебавшись, пошёл за ней. Он нашёл её сидящей в кресле у камина с книгой в руках. Огонь освещал её лицо, и в этом свете она казалась почти живой, почти тёплой.

— Можно с вами? — спросил он, застыв на пороге.

Айви подняла глаза. Посмотрела на него долгим взглядом.

— Садись, — сказала она, кивнув на кресло напротив. —

Что-то хочешь спросить?

Джеймс сел, положил руки на колени и уставился в огонь.

— Вы сказали утром, что видите меня насквозь, — начал

он осторожно. — И что вы всё равно здесь. Почему?

Айви молчала так долго, что он уже решил — не ответит. Но она закрыла книгу и посмотрела прямо на него.

— Потому что я знаю, каково это — быть тем, кого никто не хочет, — сказала она тихо. — Я знаю, каково это — притворяться, улыбаться, манипулировать, лишь бы выжить. Я знаю, потому что сама через это прошла. И я знаю, что из этого можно вырасти. Если рядом будет кто-то, кто не даст тебе сломаться окончательно.

Джеймс смотрел на неё и чувствовал, как внутри него что-то шевелится. То самое чувство, которому он не мог подобрать названия. В приюте он был проблемой, обузой, бракованным материалом. А здесь сидела женщина, которая смотрела прямо в его чёрную душу и говорила: «Я знаю, кто ты. И я не уйду».

— Вы... — голос его сорвался, и он прокашлялся. — Вы тоже притворялись?

— Я делала то, что должна была, чтобы выжить, — ответила Айви. — А потом перестала. Потому что нашла тех, кому не нужно было притворяться.

— И кто это был?

Айви отвела взгляд.

— Люди, которых больше нет.

Джеймс кивнул, не спрашивая дальше.

— Я не обещаю, что перестану притворяться, — сказал он честно. — Я не умею по-другому.

— Я знаю, — сказала Айви.

Она снова открыла книгу, давая понять, что разговор окончен. Джеймс ещё немного посидел, глядя на огонь, а потом встал и пошёл к двери.

— Леди Айви, — сказал он на пороге.

Она подняла глаза.

— Спасибо. За всё.

Она кивнула, и в этом кивке не было тепла, но и холода тоже не было. Было что-то среднее, что Джеймс пока не понял.

Он поднялся в свою комнату, разделся и лёг в кровать, глядя в потолок. День был длинный, и голова шла кругом. Магия, телепортация, магические города, Дворы, и эта странная женщина, которая видит его насквозь и всё равно не уходит.

Что-то здесь было не так. Что-то большое и важное, что она скрывала. И Джеймс, засыпая, твёрдо знал: он это выяснит. Потому что знание — власть. А власть — это то, что ему нужно больше всего на свете.

Но когда он уже проваливался в сон, где-то на самом краю сознания мелькнула мысль, которую он тут же забыл: а ведь она сказала, что видит его насквозь. И всё равно выбрала его.

Никто никогда его не выбирал.

Глава 6. Дистанция

Прошло пять дней с тех пор, как карета унесла Джеймса Каина из «Серой Гавани». Пять дней, и Айви считала каждый.

Она вставала на рассвете, задолго до того, как в комнате на другом конце коридора начиналось шевеление, и выходила на улицу. Там, на краю обрыва, где ветер с моря пробирал до костей даже сквозь самый плотный магический слой, она стояла и смотрела на воду. Волны бились о камни внизу с тем же упорством, с каким она пыталась не думать о том, что будет, если она проиграет.

Потом она возвращалась в дом и шла в малую столовую, где Джеймс уже сидел за столом и смотрел на приборы с выражением человека, готовящегося к пытке. Он научился быстро — уже на второй день перестал путать вилки и больше не пытался есть рыбу ножом для масла. Он пугающе быстро прогрессировал абсолютно во всём, за что брался.

Джеймс был рядом постоянно — за завтраком, за обедом, за ужином, в библиотеке, во дворе во время тренировок. И каждую минуту Айви приходилось напоминать себе: это не тот человек, не тот монстр.

Она научилась не смотреть на него слишком долго. Научилась отводить взгляд, когда он ловил её на странном выражении лица. Научилась говорить ровно, спокойно, без

дрожи в голосе.

Физический контакт она свела к абсолютному минимуму. Потому что всё внутри неё протестовало – как можно прикоснуться к монстру, к тому, кто уничтожил самое дорогое в ее жизни.

Джеймс заметил. Он был слишком умён, чтобы не заметить. Но ничего не говорил, только смотрел на неё иногда тем самым взглядом — изучающим, холодным, будто препарировал её на составляющие.

Айви вспоминала другой взгляд. Тот, взрослый, который она видела в Академии. Тогда Джеймс Морвен смотрел на всех свысока, будто они были насекомыми под его ногами. Этот мальчишка ещё не научился так смотреть, но задатки уже были. Особенно когда он думал, что она не видит.

— Вы меня брезгуете? — спросил он на третий день прямо, без обиняков. Они сидели в библиотеке после обеда, и Айви показывала ему карту магических поселений.

— Нет, — солгала Айви, не поднимая глаз от карты. — Я уважаю твои границы. Ты сказал, что не любишь, когда к тебе прикасаются без спроса.

Он посмотрел на неё с тем же выражением, с каким смотрел всегда — будто пытался заглянуть ей под кожу и прочитывать мысли.

— А если я разрешу? — спросил он. — Если скажу, что можно?

Айви подняла голову. Его глаза были тёмными, насто-

женными, и в них билось что-то — недоверие, смешанное с жадным любопытством.

— Тогда я подумаю о том, как это соотносится с моими личными границами, — ответила она спокойно.

Он нахмурился, явно не поняв, но спорить не стал. Отвернулся к карте и ткнул пальцем в точку на побережье.

— А здесь что?

— Луг, — ответила Айви, принимая игру. — Второй по величине магический город после Фаля. Там находятся резиденции Неблагого Двора.

— А где живёт Благой?

— У них нет единой резиденции. Благие предпочитают родовые особняки в глуши. Они считают, что жить в городе — значит смешиваться с чернью.

— Глупо, — сказал Джеймс. — В городе легче узнавать новости и влиять на людей.

— Возможно, — согласилась Айви. — Но Благие не стремятся влиять на людей. Они стремятся сохранить чистоту традиций. Это разные вещи.

Джеймс задумался, и Айви увидела, как в его голове крутятся шестерёнки — просчитывает, взвешивает, сравнивает. Умный мальчик. Опасный мальчик.

— Леди Айви, — сказал он вдруг, — А у вас есть семья?

Айви замерла. Вопрос был простой, бытовой, но он ударил прямо в то место, которое никогда не заживало до конца.

— Нет, — ответила она коротко.

— А что случилось?

Она посмотрела на него. Он сидел, поджав ноги, в кресле напротив, и в его глазах горело жадное любопытство. Он собирал информацию, копил, как белка орехи.

— Моя мать умерла, когда мне было пять, — сказала Айви. — Её сестра, моя тётка, даже не захотела смотреть в мою сторону. С тех пор я — сама по себе.

Она вспомнила, как стояла на коленях в пепле, разгребая обгоревшие доски руками, и нашла маленькую куколку — ту самую, которую сшила для близняшек за неделю до того, как уехать.

Она сжала руки в кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Ты слишком много думаешь о том, что тебя не касается, — сказала она ровно. — Иди лучше отдыхай. Завтра у нас тяжёлый день.

— Почему тяжёлый?

— Мы едем в мир вульгаров. Покупать учебники.

Джеймс открыл рот, чтобы спросить ещё что-то, но Айви уже встала и вышла из библиотеки, оставив его одного у камина.

Она поднялась в свою комнату, закрыла дверь и села на кровать. Потом встала, подошла к комоду, открыла верхний ящик и достала маленькую жестяную коробочку из-под леденцов. В ней, на дне, лежали три фотографии.

Одна была старой, потрескавшейся на сгибах. На ней Кайл смеялся, запрокинув голову, и держал на руках двух крошеч-

ных девчонок с рыжими вихрами.

Вторая фотография — Кевин, весёлый, растрёпанный, сжимающий в руке кружку с тем, что он называл «эликсиром бодрости», а на самом деле было просто дешёвым пивом из трактира. Рядом с ним стоял Рори, закатывающий глаза. В их маленькой компании он всегда был гласом разума.

Третья — Лин. Она стояла у воды, обернувшись через плечо, и в её глазах было то самое выражение — будто она видит что-то, чего никто не видит, и это что-то её пугает.

Айви смотрела на эти лица, и внутри у неё всё сжималось в тугую, холодный комок. Вот что он отнял у неё, тот взрослый Джеймс. Вот кого он убил. А теперь она должна была сидеть с ним за одним столом, учить его этикету и магии, и не иметь права отомстить ему.

Она убрала коробочку обратно в ящик и легла на кровать, глядя в потолок. Внизу шумело море, и в этом шуме ей слышались голоса и детский смех.

Наутро они отправились в мир вульгаров.

— А зачем мы вообще едем к вульгарам? — спросил Джеймс. — В Дагде полно книжных лавок.

— В Дагде продают книги по магии, — ответила Айви, проверяя застёжку на поясе с деньгами. — А нам нужны учебники по обычным наукам. Математика, физика, история мира вульгаров. Магическая математика устарела лет на сто, маги не любят ничего нового. А в Академии тебе придётся сдавать общие предметы.

Джеймс скривился, но спорить не стал.

Они вышли во двор, и Айви достала артефакт переноса. На этот раз она выбрала точку на окраине города, где магический фон был достаточно высок, чтобы активировать маячок, но рядом не было жилых домов.

Перенос прошёл гладко. Джеймс вышел из телепортационного круга и замер.

— Ничего себе, — выдохнул он.

Город вокруг гудел. По мостовой ехали экипажи, запряжённые лошадьми, а рядом с ними, обгоняя их и сигналивая громкими гудками, неслись странные повозки без лошадей.

— Это что? — выдохнул Джеймс.

— Машины. Вульгары изобрели их не так давно. Они работают на магических артефактах — сжигают энергию кристаллов и превращают её в движение.

— И маги не против? — удивился Джеймс. — Я думал, они презирают вульгаров.

— По-разному, — Айви повела его вниз, к городу. — Потомственные маги, особенно из Благого Двора, действительно презирают всё, что связано с вульгарами. Они ездят только в каретах, и считают, что любое новшество — это шаг назад. А те, кто помоложе, и те, кто живёт ближе к границе, пользуются всеми благами мира вульгаров. И тех, и других можно понять.

Они спустились в город, и Джеймс вертел головой так, что

Айви боялась — отвалится. Над головой, в небе, проплыла карета, запряжённая чем-то похожим на лошадей, но с перепончатыми крыльями и светящимися глазами.

— Это келпи, — сказала Айви, проследив за его взглядом. — Водные духи. В ноябре они выходят на сушу и позволяют себя запрягать, если сумеешь договориться. Летают благодаря своей магии. Но с ними нужно быть осторожным — если рядом есть водоём, они могут утащить тебя с собой и утопить.

— И часто так бывает?

— Достаточно, чтобы маги предпочитали старых добрых лошадей. Но те, кому нужна скорость, рискуют.

В книжной лавке было тихо и пахло бумагой. Айви показала продавцу список, и тот быстро набрал нужные учебники — по математике, физике, химии, истории и географии мира вульгаров. Джеймс стоял рядом и рассматривал корешки книг.

— А это что? — спросил он, указывая на толстый том в кожаном переплёте.

— Энциклопедия изобретений, — ответил продавец, с любопытством разглядывая странную пару. — Хотите взглянуть?

Джеймс взял книгу, открыл и углубился в чтение. Айви ждала. Минут через пять она мягко забрала у него энциклопедию и вернула продавцу.

— В другой раз, — сказала она. — Сначала основы.

Джеймс посмотрел на неё с выражением, которое она уже научилась распознавать — смесь раздражения и уважения. Раздражения, потому что ему не дали то, что он хотел. Уважения, потому что она его остановила, а он уважал силу и уверенность.

Они купили ещё несколько тетрадей, перьев и чернил, а потом Айви повела его в кафе — маленькое, уютное, с видом на оживлённую улицу.

— Здесь подают отличный шоколад, — сказала она, когда они сели за столик у окна. — Попробуй.

Джеймс попробовал и зажмурился от удовольствия. Айви смотрела на него и в который раз ловила себя на мысли, что это странно — сидеть напротив мальчика, который через двадцать лет станет чудовищем, и наблюдать, как он пьёт горячий шоколад и довольно жмурится, как обычный ребёнок.

— А вы не будете? — спросил он, открывая глаза.

— Я не люблю сладкое, — ответила Айви.

Он хмыкнул и снова уткнулся в чашку. Айви смотрела в окно на проезжающие машины, на летающую карету, которая как раз приземлялась на специальной площадке напротив, и думала о том, что мир вокруг удивительный. В нём уживались кареты и машины, маги и вульгары, древние ритуалы и новейшие изобретения. И в этом безумном мире она должна была воспитать человека, который либо спасёт всё, либо уничтожит.

— Леди Айви, — сказал Джеймс, отставляя пустую чаш-

ку. — А вы будете учить меня боевой магии?

— Буду.

— А когда начнём?

— Сегодня вечером. Но сразу предупреждаю: боевая магия — это не только заклинания. Это ещё и физическая подготовка.

Джеймс скривился.

— Зачем? — спросил он с вызовом. — Настоящий маг должен побеждать магией, а не кулаками. Это для вульгаров — бегать и махать руками.

Айви вздохнула. Она ждала этого разговора.

— Скажи, — спросила она, — А если у тебя кончится магия? Если ты будешь истощён после долгого боя и не сможешь соткать даже простейшее заклинание? Что ты будешь делать?

Он задумался.

— Найду способ восстановиться.

— А если некогда восстанавливаться? Если враг уже рядом и замахивается мечом? Что ты сделаешь — попросишь его подождать, пока ты наберёшься сил?

Джеймс промолчал.

— Магия — это не палочка-выручалочка, — сказала Айви жёстко. — Это инструмент. И если ты будешь полагаться только на него, ты очень быстро умрёшь. Потому что всегда найдётся кто-то, кто сильнее, быстрее или хитрее.

Обратно телепортировались уже затемно. Носильщик-дух

нёс за ними целую гору покупок, и Джеймс шёл рядом, поглядывая на Айви.

Айви отдала свёртки миссис Брукс, велела подать ужин через час и повела Джеймса в зал для тренировок — просторную комнату на первом этаже, где на стенах висели мечи и щиты, а пол был устлан мягкими матами.

Час спустя Джеймс валялся на мате и пытался отдышаться. Айви стояла над ним, даже не запыхавшись.

— Это было ужасно, — прохрипел он.

— Это было начало, — поправила Айви. — Завтра будет сложнее.

— Я думал, магия — это красиво, — пожаловался Джеймс. — Заклинания, жесты, сила. А это просто... беготня какая-то.

— Магия — это дисциплина, — ответила Айви, протягивая ему руку, чтобы помочь встать. — А дисциплина начинается с тела. Если ты не можешь управлять своим телом, как ты сможешь управлять магией?

Он взял её за руку, и Айви снова подавила желание отдёрнуть ладонь. Она позволила ему опереться, встать, и только потом отпустила.

За ужином Джеймс почти не разговаривал — устал. Айви тоже молчала. Они сидели в малой столовой, и огонь в камине потрескивал, и это было почти уютно, почти как дома. Почти как с Кайлом и друзьями, когда они собирались после занятий.

Айви тряхнула головой, отгоняя воспоминания.

На восьмой день у них появился первый ритуал.

Айви не заметила, как это началось. Просто в какой-то момент оказалось, что каждый вечер после ужина они сидят в библиотеке у камина. Айви читала свои книги, Джеймс — свои. Иногда они молчали часами, иногда обсуждали прочитанное.

Так в её броне дистанции появились намёки на трещины.

Глава 7. Джеймс: природа магии

Следующие несколько дней текли размеренно. Джеймс просыпался в своей большой кровати, завтракал в малой столовой, а потом шёл в библиотеку.

Леди Айви учила его этикету: как держать вилку для рыбы, как кланяться старшим по положению, как обращаться к магам разных рангов. Джеймс запоминал быстро, впитывал информацию как губка, но внутри него постоянно тлело раздражение. Ему казалось, что всё это пустое, ненужное, что он теряет время, когда мог бы учиться настоящей магии.

Но Айви была непреклонна.

По вечерам они сидели в библиотеке у камина — каждый со своей книгой. Это вошло в привычку незаметно, само собой. Джеймс устраивался в кресле напротив Айви, огонь потрескивал, за окном шумело море, и в этой тишине было что-то такое, чего он никогда раньше не знал. Спокойствие? Он не читал по-настоящему — слишком часто ловил себя на том, что смотрит на неё поверх страниц. На то, как огонь освещает её лицо, как она хмурится, как поправляет выбившуюся прядь седых волос. И каждый раз, когда их взгляды встречались, он быстро отводил глаза, делая вид, что увлечён чтением.

За эти дни он многое понял о характере Айви. Она была мягкосердечной — это он заметил ещё в первую встречу, ко-

гда она раздавала подарки детям в приюте, хотя видно было, что ей тяжело находиться в толпе. Но мягкосердечность эта имела границы, и границы были очерчены чётко.

Всякий раз, когда кто-то переступал одну из этих границ, Айви становилась холодной. Она отстранялась, замыкалась в себе, и достучаться до неё становилось невозможно.

Она могла многое стерпеть. Даже то, что ей не нравилось. Присутствие Джеймса в её доме было хорошим тому примером — он видел, как ей тяжело находиться с ним рядом, как она контролирует каждое своё движение, чтобы случайно не приблизиться. Но она терпела. Учила, кормила, заботилась.

Но стоило ему надавить чуть сильнее, чем следовало, — и стена выростала между ними мгновенно. Отвечала односложно, не смотрела в глаза, и Джеймсу приходилось потратить много времени, чтобы растопить этот лёд. Он задавал нейтральные вопросы про магию, улыбался самой безобидной улыбкой — и постепенно, слово за словом, она таяла.

Он запомнил этот урок. Границы Айви были невидны глазу, но он учился их чувствовать. И старался не думать о том, что произойдёт, если однажды он переступит особенно важную черту.

Наконец настал день, когда они начали заниматься магией.

Они вышли во двор, обдуваемый морскими ветрами. Пахло солью. Джеймс стоял, сжимая и разжимая кулаки, чувствуя, как внутри него ворочается тот самый дикий зверь,

который всегда вырывался наружу, когда ему было больно или страшно.

— Твоя магия, — начала Айви, — Не такая, как у других. Ты из рода, чья сила подчиняется только тогда, когда маг действует в согласии с собой.

Джеймс нахмурился.

— Что значит «в согласии с собой»?

— Это значит, что ты не сможешь исцелить человека, если не чувствуешь к нему искреннего сострадания. Не сможешь создать защиту, если в тебе нет любви к тому, кого защищаешь.

Джеймс моргнул. Он ожидал услышать про заклинания, про пассы руками, про сложные формулы. А она говорила про чувства.

— Это... это какая-то странная магия, — сказал он осторожно. — Мне говорили, что магия работает от силы воли. Что главное — хотеть достаточно сильно.

— Видишь ли, магия бывает разная. Та, которой владеют обычные маги, — она работает на визуализации, на желании, на дисциплине. Ты представляешь огонь — и он загорается. Ты хочешь защитить кого-то — и ставишь щит. Это просто инструмент. Но есть другая магия, более древняя. Ей могут пользоваться и обычные маги, но это бывает редко — классическая магия проще в освоении. Эта древняя магия называется Анхилия. Она слушается только тогда, когда маг действует в согласии с собой.

— В согласии с собой? — повторил Джеймс. — Я не понимаю.

— Представь, что ты пытаешься исцелить кого-то, кого на самом деле ненавидишь, — сказала Айви. — Обычная магия может сработать, если у тебя достаточно сил и правильная визуализация. Древняя магия — нет. Она потребует от тебя искреннего сострадания. Если ты его не чувствуешь, магия тебя не послушается.

Джеймс смотрел на неё, пытаясь переварить услышанное.

— А если я пытаюсь защитить кого-то, кого не люблю?

— Та же история, — кивнула Айви. — Щит, поставленный древней магией без любви, развалится при первом же ударе.

Она подошла к старому пню, оставшемуся от спиленного дерева, и положила на него руку.

— Смотри. Я продемонстрирую тебе свою Анхилию.

Пень начал покрываться льдом. Медленно, грамм за граммом, лёд нарастал, пока не превратил пень в сверкающую скульптуру.

— Это просто, — сказала Айви. — Моя стихия — лёд, моя природа — защита и сдерживание. Я делаю то, что соответствует моей сути. Теперь попробуй ты.

Она отошла в сторону, и Джеймс уставился на пень.

— Что я должен сделать?

— Попробуй сделать что-то с ним.

Джеймс сосредоточился. Он сжал кулаки, представил лёд,

холод, иней на коре. Он напрягся так, что у него затряслись руки. Ничего не произошло.

— Не работает, — сказал он разочарованно.

— Потому что ты пытаешься сделать что-то, что не соответствует твоей сути. Что ты чувствуешь сейчас, глядя на этот пень?

— Ничего, — признался Джеймс. — Это просто пень.

— Попробуй что-то другое. Что-то, что ты чувствуешь на самом деле.

Джеймс задумался. Что он чувствовал на самом деле? Злость. Много злости. На приют, на Томаса, на всех взрослых, которые смотрели на него как на бракованный товар. Но злость была всегда, она ничего не меняла.

Он вспомнил тот момент, когда Айви сказала: «Я знаю, кто ты, и я всё равно здесь». Что он почувствовал тогда? Что-то странное, тёплое, от чего хотелось одновременно засмеяться и рассердиться.

Лёд на пне вдруг зашевелился. Джеймс подскочил, глядя, как из-под льда пробивается тонкий росток травы.

— Вот, — сказала Айви спокойно. — Видишь? Когда ты перестал пытаться и позволил себе чувствовать, магия откликнулась.

Джеймс смотрел на росток и не верил своим глазам. Он никогда не мог заставить магию делать что-то полезное. Только ломать, крушить, пугать. А тут — жизнь. Маленькая,

зелёная, но жизнь.

— Откуда вы знаете такие особенности моей магии? — спросил он наконец, глядя на неё в упор.

Айви встретила его взгляд спокойно.

— Я догадываюсь, из какого ты рода, — сказала она.

— И что это за род? — Джеймс подался вперёд.

— Я расскажу тебе до твоего отъезда в академию, — ответила Айви. — Не раньше.

Джеймс почувствовал, как внутри закипает раздражение. Она снова что-то скрывала. Снова говорила загадками. Снова держала его на расстоянии вытянутой руки, давая ровно столько информации, сколько считала нужным.

— Почему не сейчас? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Если это важно для моей магии, почему я должен ждать?

— Потому что сейчас ты не готов это услышать, — ответила Айви твёрдо. — Когда будешь готов — расскажу.

— А если я хочу знать сейчас?

— Тогда ты будешь ждать, — отрезала она. — Ты согласился стать моим учеником, значит будешь следовать моим указаниям.

Джеймс почувствовал, как внутри закипает злость. Он так старался. Он учил её дурацкий этикет, он пытался контролировать свою магию, он даже почти перестал притворяться с ней. А она всё равно не доверяла ему. Всё равно держала дистанцию.

— Это нечестно, — сказал он, сжимая кулаки.

— Жизнь вообще нечестная штука, — ответила Айви. — Ты должен был это усвоить уже давно.

Она развернулась и пошла к дому, оставив его стоять во дворе с чувством, будто его ударили. Джеймс смотрел ей вслед и думал, что она опять закрылась, опять ушла в свою ледяную скорлупу. И что он снова ничего не добился.

За ужином она была тихой, почти не разговаривала, только отвечала на вопросы односложно. Джеймс тоже молчал, перебирая в голове варианты, как заставить её рассказать правду. Может, пригрозить, что уйдёт? Нет, она не поверит. Может, найти информацию самому? Но в библиотеке не было книг про Анхилию — он уже проверил.

Вечером он пришёл в библиотеку, как обычно. Айви уже сидела в своём кресле с книгой. Джеймс замер на пороге, не зная, примут ли его сегодня. Но она подняла глаза, кивнула на кресло напротив, и он выдохнул. Сел, взял первую попавшуюся книгу с ближайшей полки и сделал вид, что читает. На самом деле он смотрел на неё поверх страниц, как делал каждый вечер. Огонь освещал её лицо, делая тени мягче, а взгляд — почти тёплым. Джеймс поймал себя на мысли, что эти вечера стали для него важнее, чем он готов был признать.

На следующее утро Айви сказала:

— Сегодня пойдём в город. Я хочу познакомить тебя с соседями.

Джеймс насторожился.

— С какими соседями?

— В Дагде живут мальчишки примерно твоего возраста, — ответила Айви, наливая себе чай. — Сыновья местных магов. Я договорилась, что ты сможешь присоединиться к их компании сегодня после обеда.

Джеймс уставился на неё.

— Зачем?

— Затем, что тебе нужны друзья, — сказала Айви.

— У меня есть вы, — ответил Джеймс, и это вырвалось само, прежде чем он успел подумать

Айви посмотрела на него долгим взглядом.

— Я не могу быть твоим единственным другом, Джеймс. Это неправильно.

— Почему?

— Потому что люди должны расти среди людей, — сказала она.

— Я не хочу ни с кем дружить, — сказал он упрямо.

— Не обязательно дружить, — Айви сменила тактику. — Но ты должен научиться с ними разговаривать. Понимать, как они мыслят, что для них важно, как завоевать их уважение. Это навык. Такой же, как контроль магии. Если ты хочешь стать лидером, тебе понадобятся люди, которые пойдут за тобой. А чтобы они пошли, ты должен уметь с ними общаться.

Джеймс задумался.

— И что я получу от этого?

— Опыт, — ответила Айви. — Понимание того, как работают группы. Умение находить общий язык с теми, кто тебе не нравится. Всё это пригодится тебе в академии и в жизни.

Джеймс задумался. Управление людьми. Это было другое дело. Это было полезно. Если дружба могла стать инструментом, если она могла дать ему навыки, которые пригодятся потом...

— Хорошо. Я пойду.

Айви снова посмотрела на него тем странным взглядом, которым смотрела всякий раз, когда он соглашался на что-то без боя.

— Тогда одевайся. Через час отправляемся.

В Дагде они остановились у невысокого дома с зелёной крышей, из которого доносились крики и смех. Айви постучала, и дверь открыла полная женщина в переднике.

— Леди Айви! — всплеснула она руками. — Заходите, заходите. А это, значит, тот самый мальчик? Джеймс, да?

— Да, — Айви слегка подтолкнула его в спину. — Джеймс, это миссис О'Киф. Её сыновья Шон и Патрик сейчас во дворе.

Миссис О'Киф провела их через дом во двор, где двое мальчишек гоняли мяч. При виде взрослых они замерли, но Айви только махнула рукой.

— Играйте дальше. Я просто привела Джеймса познакомиться.

Старший — высокий, рыжий, с веснушками во всё лицо

— подошёл ближе.

— Ты ученик леди Хейвен? — спросил он без особого дружелюбия.

— Да, — ответил Джеймс, включая своё обаяние. Он улыбнулся открыто, чуть застенчиво. — Я Джеймс.

— Шон, — буркнул парень. — А это Патрик.

Патрик был помладше, такой же рыжий, толстый и круглолицый.

— Во что играете? — спросил Джеймс, глядя на мяч.

— В вышибалы, — ответил Шон. — Хочешь?

— Хочу, — сказал Джеймс.

Он играл плохо. В приюте его редко брали в игры, потому что он всегда норовил жульничать или вывести противника из себя словами. Но здесь он старался. Он ловил мяч, когда мог, уворачивался, когда не мог, и даже пару раз попал в Шона, за что получил неодобрительный взгляд.

К концу игры он запыхался и вспотел, но чувствовал странное удовлетворение.

— А ты ничего, — сказал Шон, когда они пили воду на крыльце. — Только странно одет.

— Это леди Айви выбрала, — ответил Джеймс, пожимая плечами.

— Она правда Магистр льда? — спросил Патрик с благоговением. — Самая молодая за всю историю?

— Правда, — кивнул Джеймс.

— И ты с ней живёшь? — Шон смотрел с завистью. — Повезло. Она красивая, хоть и седая.

Джеймс почувствовал, как внутри шевельнулось что-то неприятное. Ему не понравилось, как Шон смотрел на Айви. Не понравилось, что он вообще о ней говорил.

— Она мой наставник, — сказал он холодно. — И да, она Магистр.

Шон уловил перемену тона и усмехнулся.

— Чего такой дерзкий? Я ничего плохого не сказал.

— Я не дерзкий, — Джеймс заставил себя улыбнуться. — Просто устал. Игра была тяжёлая.

Они посидели ещё немного, потом Айви вышла из дома и сказала, что пора возвращаться. Джеймс попрощался с мальчишками и пошёл за ней.

— Ну как? — спросила она, когда они отошли подальше.

— Нормально, — ответил он. — Шон — дурак, Патрик — просто ребёнок.

Айви усмехнулась.

— Ты за час их раскусил?

— Достаточно, чтобы понять, что дружить с ними не хочу, — сказал Джеймс. — Но урок я усвоил. Люди — это инструменты. Одни более полезны, другие менее.

Айви остановилась и посмотрела на него. В её взгляде было что-то, чего он не понял.

— Они не инструменты, — сказала она тихо. — Они такие же, как ты. Со своими страхами, надеждами, мечтами. И ес-

ли ты будешь относиться к ним как к инструментам, они это почувствуют. И никогда не пойдут за тобой по-настоящему.

— Мне и не нужно, чтобы они шли по-настоящему, — ответил Джеймс. — Мне нужно, чтобы они делали то, что я скажу.

Айви покачала головой, но ничего не сказала. Они пошли дальше молча, и Джеймс чувствовал, что между ними снова выросла стена.

Вечером, лёжа в кровати, Джеймс думал о том, что случилось за эти дни. Айви учила его магии. Айви возила его в город. Айви заставляла играть с чужими детьми, которые были ему совершенно не нужны. И при этом она что-то скрывала.

На следующее утро он спустился к завтраку и не нашёл Айви за столом. Вместо неё в столовой стояла миссис Брукс с встревоженным лицом.

— Леди Айви уехала рано утром, — сказала она. — Прорыв Завесы на северных рубежах. Она просила передать, что вернётся через пару дней, и чтобы вы занимались по плану, который она оставила в библиотеке.

Джеймс кивнул, стараясь не показывать, как сильно его задело, что она уехала, не попрощавшись. Он сел за стол, съел завтрак, хотя кусок в горло не лез, и пошёл в библиотеку.

План был подробный: три главы из учебника по теории магии, два эссе на заданные темы, практика с магией по часу утром и вечером. Джеймс сел за стол и попытался читать, но

строчки прыгали перед глазами.

Он смотрел в окно на серое небо и думал о том, где она сейчас. Что там, на этих рубежах. Опасно ли. Вернётся ли вообще.

И впервые за долгое время он почувствовал страх.

Он быстро подавил это чувство, закопал глубоко под слоями цинизма и недоверия. Она — его учитель, его единственный шанс на нормальную жизнь. Конечно, он боится её потерять. Это просто инстинкт самосохранения. Ничего личного.

Вечером он пришёл в библиотеку по привычке. Кресло напротив было пусто. Огонь в камине не горел. Джеймс постоял на пороге, глядя на это пустое кресло, и понял, что читать не будет. Он просто посидел немного в кресле, а потом ушёл к себе, где уткнулся в книгу и читал до тех пор, пока глаза не начали слезиться. Потом сделал вечернюю практику с магией — в этот раз ничего прорастить не удалось, пень взорвался.

Заснуть он не мог. Ворочался, смотрел в потолок, прислушивался к звукам за окном. Море шумело, ветер завывал в трубе, а в особняке было тихо и пусто.

Она была единственной постоянной величиной в его хаотичном мире. И сейчас, когда её не было, он вдруг понял, как сильно привык к её присутствию.

Он заснул только под утро, и во сне ему снилась Айви. Она стояла на краю обрыва, ветер трепал её седые волосы.

А потом обрыв обрушился, и она упала в море, и он не смог её поймать.

Он проснулся в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем. За окном светало. Он сел на кровати, обхватил голову руками и попытался успокоить дыхание.

Это просто сон. Просто глупый сон. Она вернётся.

Он встал, оделся и пошёл в библиотеку — делать утреннюю практику. Если он будет занят делом, то не будет думать о ней.

Но он думал.

И если с ней что-то случится, он не знал, что будет делать.

От автора: дорогие друзья, хотела услышать ваше мнение. Нравится ли вам такой формат – отдельно главы от лица Джеймса и отдельно от Айви? Или вам было бы удобнее все главы читать от лица Айви?

Глава 8. Чужие дети

Карета катилась по мощеной дороге, унося Айви прочь от северных рубежей, и дождь барабанил по крыше так громко, что Айви с трудом слышала собственные мысли.

Она повернулась к девочке, сидящей напротив.

Та сжалась в комок на сиденье, поджав под себя ноги и обхватив колени руками. Лет десять, может, одиннадцать. Тёмные волосы собраны в небрежный хвост, одежда простая, но чистая — штопанный свитер, юбка с заплаткой на колене. Глаза большие, серые, смотрят на Айви с настороженностью дикого зверька.

Элли. Дочь Финна, сослуживца Айви по Страже.

Финн был вдовцом уже три года. Жена его умерла от родильной горячки, оставив ему девочку и крошечного сына, который не прожил и месяца. С тех пор он таскал Элли с собой по гарнизонам, потому что оставлять было не с кем. Коменданты закрывали глаза — Финн был хорошим бойцом, а ребёнок тихим и незаметным.

Три дня назад случился прорыв. Самый сильный за последние пять лет. Твари из-за Завесы лезли такими плотными рядами, что Стражи едва успевали их сдерживать. Финн бился в первых рядах, и Элли просидела в подвале комендатуры двое суток, слушая, как над головой грохочет и кричат люди.

Финн пришёл к Айви вечером третьего дня, когда прорыв наконец отразили и можно было перевести дух. Он стоял перед ней в коридоре казармы, мял в руках шапку и смотрел в пол.

— Леди Айви, — начал он глухо. — Я понимаю, что не имею права просить. Но у меня больше никого нет.

— Что случилось, Финн? — спросила она, хотя уже догадывалась.

— Элли... ей нельзя здесь оставаться. Вы же видели, что тут творилось. Она не спит, не ест, молчит весь день. Я боюсь, что... — он запнулся и сглотнул. — Мне нужно будет участвовать в зачистке. Рубежи надо укреплять, пока Завеса не успокоится. Это недели две, может, три. А её не с кем оставить. У меня нет родных, комендант сказал, что детей в подвале больше держать нельзя, потому что там теперь склад боеприпасов. Я не знаю, что делать.

— Я возьму её к себе, Финн. На время зачистки, — сказала Айви.

Он поднял голову так резко, что хрустнули шейные позвонки. В глазах его стояло такое облегчение, смешанное с недоверием, что у Айви защемило сердце.

— Вы... правда? Но у вас же там ученик, я слышал. Мальчик из приюта. Он не будет против?

— Будет, — честно ответила Айви. — Но мы как-нибудь разберёмся. Дом большой, места хватит.

Финн смотрел на неё так, будто она только что предложи-

ла ему луну с неба. Потом моргнул быстро-быстро, сглотнул снова и сказал:

— Я... спасибо. Я век не забуду. Если что надо будет...

— Возвращайся живым, — перебила Айви. — Это всё, что мне от тебя нужно.

Он кивнул и ушёл. Через час привёл Элли за руку — девочка была бледная, но держалась ровно, только пальцы тербили край юбки.

— Папа сказал, я поживу у вас, — сказала она, глядя на Айви снизу вверх. — Пока он не вернётся.

— Да, — ответила Айви. — Собирай вещи и садись в карету. Поедем, пока не стемнело.

Финн обнял дочь, поцеловал в макушку, что-то шепнул на ухо. Элли кивнула, высвободилась и ушла за вещами. Финн посмотрел на Айви, и в его глазах стояла мольба.

— Я её сберегу, — сказала Айви. — Обещаю.

Он кивнул и ушёл, не оглядываясь.

Элли быстро собрала свои немногочисленные вещи. Их оказалось совсем мало — смена белья, потрёпанная кукла с оторванной рукой, расчёска с выломанными зубьями. Айви смотрела на этот скудный скарб и чувствовала, как внутри поднимается знакомая тяжесть.

Она вспомнила свои вещи в приюте, куда попала в пять лет, в далеком 791-м. Примерно такой же набор: смена белья, книжка с оторванной обложкой, заколка, которую подарила одна из воспитательниц, когда Айви помогла ей разо-

брать кладовку. И больше ничего. Всё, что у тебя есть, помещается в руках. Всё, что ты есть, — только ты сам.

И вот теперь они ехали в особняк, и Элли сидела напротив, сжавшись в комок, и молчала.

— Ты голодна? — спросила Айви.

Элли покачала головой.

— Пить хочешь?

Снова отрицание.

— Как хочешь. Если что — скажи. Вон там, в коробке, есть бутерброды и яблоки. Бери без спроса.

Элли кивнула, но к коробке не притронулась.

Айви смотрела на неё и видела себя много лет назад. Таковую же настороженную, таковую же готовую к тому, что в любой момент её прогонят.

Она знала это чувство. Знала, как оно въедается в кости и остаётся там навсегда.

Айви смотрела в окно на серые волны, разбивающиеся о скалы, но видела совсем другое.

Она видела ворота приюта.

Тот был не таким, как «Серая Гавань». Меньше, беднее, и попечительницы там не пытались скрывать, что дети для них — обуза. Просто работа, за которую платят жалованье. Утром — каша, днём — учёба в общей комнате, вечером — снова каша. И так каждый день, без просвета, без надежды.

В пять лет, когда её привезли в приют после смерти матери, она не плакала. Просто стояла у ворот и смотрела, как

уходит карета, увозящая единственного родственника, который не захотел её взять. Тётка со стороны матери, зажиточная торговка кружевами, посмотрела на неё из кареты и сказала: «У меня своих трое. Куда мне ещё одну». И захлопнула дверь.

Айви тогда не понимала, что это навсегда. Она думала — тётя просто устала, просто занята, просто не может прямо сейчас. Она будет ждать. Она умела ждать.

Она ждала три года. Каждый раз, когда к воротам приюта подъезжала карета, её сердце замирало. Каждый раз, когда открывалась дверь и входил кто-то чужой, она выпрямлялась и смотрела с надеждой. Может, сегодня.

Никто не приходил за ней.

В приюте она научилась двум вещам: быть незаметной и ни на что не надеяться. Незаметные выживали дольше — на них не срывали злость воспитатели, их не задирали старшие дети, но им доставалось меньше еды, потому что они не лезли в первые ряды.

Дружба в приюте была роскошью. Дружба означала, что у тебя есть кто-то, кого могут отобрать, кто-то, кого могут сделать слабым местом. Айви видела, как мальчик, который подружился с новеньким, потом неделю ходил с разбитым лицом, потому что остальные решили, что новенький слишком много о себе возомнил, а его другу досталось за компанию. Видела, как девочки, которые держались вместе, потом

предавали друг друга за лишнюю порцию каши или обещание защиты от обидчиков.

Она не хотела так. Она вообще ничего не хотела, кроме одного — уйти.

В Академии она нашла их.

Кевин мог скорчить рожу, когда профессор отворачивался, и разрядить обстановку одной дурацкой шуткой. Кевин, который говорил: «Если твари нас достанут, я просто предложу им сыграть в карты. У них отвалится от удивления всё, что можно».

Он погиб, прикрывая её отход, и перед смертью успел улыбнуться той самой дурацкой улыбкой

Рори, здоровяк с руками кузнеца и душой поэта.

Был и Кайл, который потом станет её мужем. Кайл не был великим боевым магом. Он был просто надёжным. Когда родились Лиза и Марта, он ночами сидел с ними, чтобы Айви могла поспать.

Они научили её дружить. Не выживать, не использовать друг друга, а именно дружить — делиться последним, прикрывать спину в бою, сидеть ночами в общаге и обсуждать всякую ерунду.

«Я не имею права жить, когда они мертвы», — подумала она привычно. Эта мысль сидела в ней так глубоко, что стала её частью. Любое её счастье — предательство их памяти.

— У меня дома есть библиотека, — сказала Айви, стараясь говорить ровно. — И камин. Если хочешь, можешь си-

деть там и читать сколько угодно.

Элли подняла глаза.

— У вас есть книги?

— Много. И про животных есть, и про путешествия, и сказки. Выбирай любые.

Девочка моргнула. В её взгляде мелькнуло что-то похожее на любопытство, но она быстро опустила глаза обратно.

— Спасибо, — сказала она тихо.

И снова сжалась в комок, обхватив колени руками.

Айви смотрела на неё и думала о Лин.

Лин была такой же тихой. Когда они встретились в Академии, Лин почти не разговаривала — только смотрела куда-то мимо людей, в пустоту, которую одна она и видела. Айви тогда казалось, что Лин просто странная, просто не от мира сего.

Потом, когда они стали дружить, Лин начала говорить. Немного, в основном по делу, но иногда — вечерами в общаге, когда все уставали и гасили свет — она рассказывала о том, что видела в воде.

— Ты не боишься? — спросила её однажды Айви.

— Боюсь, — ответила Лин. — Но если бояться, можно пропустить те редкие моменты, когда видишь что-то хорошее.

Она улыбнулась тогда. Редкая, тихая улыбка, которая делала её очень красивой.

А потом началась война.

Лин замолчала снова. Перестала выходить из комнаты, перестала есть, только сидела у окна и смотрела на воду в пруду внизу. Айви приходила к ней, пыталась говорить, пыталась вытащить наружу. Лин качала головой.

— Там ничего, — прошептала она однажды. — Я не вижу будущего, Айви. Я вижу только тьму.

За день до того, как Лин бросилась с башни, Айви застала её в библиотеке во время передышки между нападениями на Академию. Лин сидела с открытой книгой и не мигая смотрела на стену. Айви хотела подойти, обнять, сказать что-то ободряющее. Но не подошла. Решила, что Лин просто устала, что ей нужно побыть одной, что она справится.

Лин не справилась.

Айви до сих пор видела во сне её лицо в тот последний день. Пустое. Спокойное.

Лин, Кевин, Рори, Кайл показали ей, что семья — это не всегда про кровь. Иногда семья — это те, кто принимает тебя без условий, кто не бросает, когда становится трудно, кто готов умереть, прикрывая твой отход. Они были её семьёй. И она их не уберегла.

Другой семьи у неё не было.

В пятнадцать она узнала правду о своих родителях.

Мать Айви была горничной в доме местного торговца. Отец — сыном этого торговца. Ему было семнадцать, когда он развлёкся с прислугой. Девушка забеременела, её выгнали на улицу без гроша. Она вернулась к родителям, родила

Айви, а через пять лет умерла от лихорадки.

Отец Айви женился через год на девушке из приличной магической семьи, нарожал детей, жил припеваючи и даже не вспоминал о том, что где-то растёт его дочь. Айви написала ему письмо, когда ей исполнилось пятнадцать и она начала делать успехи в Академии. Она думала, может, он захочет узнать её. Может, магия будет тем мостом, который соединит их.

Она получила ответ через три месяца. Казённый, сухой, написанный секретарём: «Господин не видит оснований для встречи. Ваше рождение было ошибкой, которую он не намерен исправлять. В качестве компенсации прилагается денежный перевод».

Перевод она взяла. Письмо сожгла.

Больше она никогда не пыталась связаться с ним. А через несколько лет он умер, и Айви даже не поехала на похороны.

Сейчас, в прошлом, он был жив. Молодой, глупый, ещё не испорченный богатством и властью окончательно. Она могла бы найти его. Могла бы вмешаться, предотвратить то, что случилось с её матерью.

Но тогда она сама не родилась бы. И не встретила бы своих друзей.

Айви тряхнула головой, прогоняя воспоминания. Прошлое оставалось прошлым, и изменить его можно было только ценой собственного существования. Цена была слишком

высока.

Она думала о Джеймсе. О том, как он отреагирует на Элли.

Он не обрадуется. Это она знала точно. Джеймс привык к их уединённой жизни, к тому, что она принадлежит только ему, к тому, что в доме нет никого, кто мог бы отвлечь её внимание. Он будет ревновать. Будет злиться. Будет искать способы избавиться от конкурентки.

Она понимала его. Понимала так глубоко, как только можно понять того, кто носит в себе ту же рану.

После уничтожения Повелителя Тьмы провели глубокое расследование. Вся история Джеймса Каина была вытащена наружу, словно постыдное грязное бельё.

Джеймс был сыном знатного мага из Благого Двора. Он родился в результате насилия — его отец взял мать силой, а потом вышвырнул её на улицу, как ненужную вещь. Мать умерла от лихорадки, когда Джеймс был младенцем, и он вырос в приюте, не зная ни отца, ни матери.

А потом, когда он начал свое возвышение в Академии, его узнали. Кто-то из старых магов увидел его магию — ту самую, особенную, родовую, которая передавалась только в одной семье. Увидел и понял, чей это ребёнок.

Отец Джеймса был жив. И был весьма знатен. Он занимал высокий пост при Благом дворе, имел законную жену, детей, поместья. И когда ему сообщили, что его незаконно-рожденный сын поступил в Академию, он даже не захотел

встречаться с ним. Просто велел передать, чтобы мальчик не смел появляться рядом с его семьёй и не позорил его имя.

Джеймс узнал об этом ближе к концу своего обучения в Академии. Кто-то из студентов, знавших историю, сказал ему прямо в лицо: «Ты — выблядок, рождённый от насилия. Твой отец даже смотреть на тебя не хочет».

Айви не знала, что именно произошло потом. Знала только результат. Через месяц вся новая семья отца Джеймса была мертва. Отец, его жена, трое их детей, двое слуг, которые оказались не в то время не в том месте. Джеймс вырезал их всех.

Отец умер последним. Джеймс заставил его смотреть, как гибнут его дети, а потом убил и его.

Айви открыла глаза и посмотрела на девочку напротив. Элли было десять. Примерно столько же, сколько младшей дочери того мага, когда Джеймс убил её. Она не сделала ничего плохого. Просто родилась у того отца, который когда-то изнасиловал женщину и бросил её умирать.

Айви знала эту историю. Знала, что Джеймс имел право на злость, на ненависть, на желание отомстить. Но дети... Дети не виноваты в грехах отцов. И всё равно они платят ту же цену, что и взрослые.

За окном показались огни особняка. Айви собралась, расправила плечи. Сейчас будет самое трудное — объяснить Джеймсу, что в доме появится посторонний ребёнок.

Она понимала его чувства — в приюте каждый новый

ребёнок означал уменьшение ресурсов, уменьшение внимания, уменьшение шансов на выживание.

Но выбора не было.

— Леди Айви, — голос Элли вырвал её из мыслей. — А папа точно вернётся?

Айви посмотрела на девочку. Та смотрела на неё в упор, и в серых глазах плескался страх, который она пыталась спрятать.

— Не знаю, — ответила Айви честно. — Но я знаю, что он сильный и опытный боец. И что он очень хочет вернуться. Это важно.

— Все хотят вернуться, — сказала Элли тихо. — Но мама не вернулась.

Айви молчала. Что тут скажешь? Что мама не виновата? Что так бывает? Что жизнь — дерьмо, и единственное, что мы можем — держаться друг за друга, пока есть за кого держаться?

— Я бы вернулась, если бы у меня дома оставалась такая дочка, как ты, — сказала она наконец. — Твой папа сделает всё, чтобы вернуться. Поверь мне.

Элли посмотрела на неё долгим взглядом, потом кивнула и снова уткнулась в колени.

Айви смотрела на неё и думала о том, что скажет Джеймсу.

Она не боялась его гнева. Гнев Джеймса она переживёт. Она боялась другого — что он увидит в Элли угрозу и нач-

нёт действовать. Манипулировать, давить, провоцировать. Он был мастером этого дела, и десятилетняя девочка, уже перепуганная до полусмерти разлукой с отцом, могла не выдержать его методов.

Нужно было поговорить с ним до того, как он увидит Элли. Объяснить ситуацию. Сделать так, чтобы он понял — девочка не враг, не конкурентка, просто ещё один ребёнок, которому не повезло в жизни.

Айви усмехнулась про себя. Как будто Джеймс когда-нибудь верил словам. Он верил только действиям.

Она вспомнила, как впервые увидела Джеймса в приюте. Такого же настороженного, такого же готового к удару. Только он был злее. В нём уже не было места для страха — только ярость и холодный расчёт. Элли ещё не дошла до этой стадии. Она ещё верила, что отец вернётся, что всё будет хорошо, что есть кто-то, кто её защитит.

Айви сделает всё, чтобы эта вера не разбилась.

Даже если для этого придётся выдержать бурю в собственном доме.

За окном хлестал дождь, впереди ждал её разговор, которого она боялась больше, чем любого прорыва. Но выбора не было. Она обещала Финну. И обещала Джеймсу.

А свои обещания Айви выполняла всегда.

Глава 9. Джеймс: незванная

Джеймс увидел карету из окна библиотеки.

Он ждал её уже три дня. Считал часы, прислушивался к каждому стуку, к каждому скрипу половиц. Миссис Брукс смотрела на него с жалостью и предлагала пирожки, а он делал вид, что ему всё равно, и читал учебники, строчку за строчкой, страницу за страницей, пока глаза не начинали болеть. Но на самом деле он ждал.

И вот карета въехала во двор.

Джеймс вскочил с кресла, подбежал к окну и замер. Из кареты вышла Айви. Живая, целая, даже, кажется, не раненая. Джеймс выдохнул — и только тогда понял, что всё это время почти не дышал.

Облегчение было таким сильным, что у него закружилась голова. Он схватился за подоконник, чтобы не упасть, и смотрел, как Айви идёт к дому.

И тут Джеймс заметил, что карета не уезжает.

Агиски нетерпеливо перебирали ногами, но карета стояла у крыльца, и дверца её была открыта.

В груди кольнуло холодом. Джеймс прижался лбом к стеклу, пытаясь разглядеть, что происходит. Айви повернулась к карете и протянула руку внутрь.

Из кареты вылез ребёнок.

Маленькая девочка. Лет десять, может, одиннадцать. Тёмные волосы, серая юбка, тощая сумка в руках. Она вышла, огляделась по сторонам настороженно, как дикий зверёк, и замерла рядом с Айви.

Джеймс смотрел на это и чувствовал, как внутри закипает что-то тёмное и липкое.

Облегчение от того, что Айви вернулась, схлынуло, оставив после себя голую, колючую тревогу.

Он стоял посреди библиотеки и пытался унять сердцебиение. Ничего страшного. Наверное, это кто-то из соседей. Наверное, девочка просто пришла в гости. На пару часов. Потом уедет.

Он слышал, как хлопнула входная дверь, как заговорила миссис Брукс — удивлённо, потом понимающе. Шаги по лестнице, голоса, хлопанье дверей.

Он заставил себя сесть в кресло, взять книгу, сделать вид, что читает. Страницы дрожали в руках.

— Джеймс.

Она выглядела уставшей. Под глазами залегли тени, платье измято, на плече висела дорожная сумка.

Он поднял голову и постарался сделать лицо равнодушным.

— Вы вернулись, — сказал он ровно.

— Да.

Айви вошла в библиотеку, и Джеймс сразу понял — что-то не так. Она стояла у двери и смотрела на него так, будто

готовилась сообщить что-то очень неприятное.

Он сразу понял: она чувствует вину.

Это читалось во всём — в том, как она стояла, чуть сутулясь, в том, как сжимала пальцы на поясе, в том, как смотрела на него, будто заранее просила прощения за что-то.

Первая мысль, которая пришла ему в голову: ему надо вернуться в приют. Она передумала. Она поняла, что он слишком сложный, слишком проблемный, слишком бракованный, и теперь пришла сказать, что отправляет его обратно, а сама будет воспитывать эту девчонку.

Джеймс сжал книгу так, что побелели костяшки. Он подавил панику, которая уже поднималась из груди горячей волной. Заставил лицо оставаться спокойным.

Он молчал и смотрел на неё, ожидая удара.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — начала Айви.

Джеймс кивнул, не доверяя голосу.

— Там, на рубежах, был прорыв. Мы три дня держали оборону. Один из моих сослуживцев, Финн, он... у него есть дочь. Её не с кем оставить, пока Финн участвует в зачистке. Это займёт пару недель, может, три. Она поживёт у нас.

Джеймс моргнул.

— Что?

Облегчение было таким острым, что у него защипало в носу. Он быстро взял себя в руки, пока Айви ничего не заметила.

— Это же не навсегда? — спросил он.

— Нет, — ответила Айви. — Только пока не закончится зачистка. Потом Финн её заберёт.

Джеймс кивнул. Он принял это удивительно спокойно, даже для себя. Наверное, потому что новости могли быть хуже. Намного, намного хуже.

Джеймс смотрел на Айви, на её виноватое лицо, и думал: если только эта девчонка попробует требовать большего, чем просто временный приют, если попробует влезть между ними, отнять хоть каплю её внимания, которое принадлежит ему, — он ей устроит ад на земле.

Он улыбнулся — той самой улыбкой, которой улыбался, когда нужно было показать, что он всё понимает и не против.

— Хорошо, — сказал он. — Я понимаю. Это важно — помогать людям.

Айви посмотрела на него с сомнением, будто не верила, что всё прошло так гладко. Но спорить не стала.

— Пойдём, познакомишься, — сказала она.

Джеймс встал и пошёл за ней в гостиную, где у камина сидела та самая девочка. Вблизи она оказалась ещё меньше, чем показалось из окна.

— Элли, это Джеймс, — сказала Айви. — Мой ученик. Он тоже здесь живёт.

Девочка подняла на него глаза. Джеймс посмотрел на неё в ответ.

Они не понравились друг другу сразу, с первого взгляда.

— Привет, — сказал Джеймс, улыбаясь своей самой тёп-

лой улыбкой. — Добро пожаловать.

Элли кивнула, но не улыбнулась в ответ. Только сжала сумку крепче и перевела взгляд на Айви.

На этом знакомство закончилось.

Айви вздохнула, но ничего не сказала. Только велела миссис Брукс показать Элли её комнату и проследить, чтобы девочку накормили.

Джеймс быстро оценил девочку как угрозу. Угрозы никакой. Эта девочка не сможет составить ему конкуренцию. Она слишком напугана, слишком забита, слишком привыкла быть незаметной. С ней будет легко.

Комната Элли оказалась на том же этаже, через три двери от его. Миссис Брукс суетилась, разбирая её вещи.

Элли стояла посреди комнаты, не зная, куда себя деть.

— Располагайся, — сказала Айви. — Ужин через час. Если что-то понадобится — спрашивай миссис Брукс или меня.

Айви вышла, и Джеймс вышел следом.

— Вы устали, — сказал он, когда они шли по коридору. — Хотите, я принесу вам чай в кабинет?

Айви посмотрела на него с тем странным выражением, которое он не всегда мог расшифровать.

— Спасибо, Джеймс. Это было бы хорошо.

Он принёс чай, поставил на столик у камина и ушёл к себе, довольный. Она оценила. Она запомнит. А девочка... дев-

чонка ничего не значит.

Прошло два дня.

Джеймс ждал худшего. Но Элли оказалась именно такой, как он думал. Тихая, незаметная, старалась не попадаться на глаза. За завтраком она сидела молча, глядя в тарелку, и отвечала односложно, если к ней обращались. Днём сидела в библиотеке с книжкой, которую взяла с полки, и читала, не поднимая головы. Вечером ужинала и уходила к себе.

Она не мешала. Она вообще никак не влияла на их жизнь.

И главное — Айви не пыталась привлечь её к их традиционным посиделкам у камина.

Они сидели в библиотеке каждый вечер, как раньше. Джеймс в своём кресле, Айви в своём. Огонь потрескивал, за окном шумело море, и он чувствовал, как напряжение последних дней отпускает его. Она здесь. Она с ним. Девчонка не лезет.

Они много разговаривали в эти дни. Айви рассказывала ему про Дворы — не так, как в книгах, а изнутри. Про то, как на самом деле работают интриги в Совете Магов. Про то, что Неблагой Двор держит власть железной рукой, но внутри него идёт постоянная борьба за влияние. Про то, что Благой Двор, несмотря на всю свою показную честь, погряз в склоках и дележе наследства.

— Расскажите ещё про Дворы, — попросил он на второй вечер, когда они устроились в креслах с книгами.

Айви отложила свою книгу и посмотрела на огонь.

— Что именно ты хочешь знать?

— Всё, — честно ответил Джеймс. — Как там устроена жизнь.

Айви усмехнулась.

— Это сложный вопрос. В Неблагом Дворе всё просто. главный тот, у кого больше силы. Формально есть королева, но реальная власть принадлежит Совету сильнейших. Если кто-то из Совета становится слишком слабым, его могут сместить. Если кто-то из молодых набирает силу, его могут пригласить. Там всё время идёт борьба.

— А в Благом?

— В Благом по-другому. Там власть передаётся по наследству. Старые рода, древние традиции. Король Благого Двора правит пожизненно, и его власть никто не оспаривает. Но при этом он ограничен Советом старейшин и Кодексом чести. Он не может сделать то, что противоречит традициям.

— А если он захочет?

— Тогда его могут сместить. Но такого не случилось уже триста лет.

Джеймс задумался. Две системы, две философии. Одна даёт свободу сильным, другая — стабильность слабым.

— А где лучше? — спросил он.

— Нигде, — ответила Айви. — Везде есть свои минусы. В Неблагом Дворе слабые страдают. В Благом — сильные не могут реализовать свой потенциал, если они не из знатного рода. Идеальной системы не существует.

Иногда она рассказывала о себе. О том, как училась магии, как тяжело давались первые годы, как она ночами сидела над книгами, потому что не могла позволить себе отстать. О друзьях, которые у неё были. Когда она говорила о них, голос её становился тише, а взгляд уходил куда-то далеко.

— Был Кевин, — говорила она тихо. — Всегда находил повод для радости. Был картёжником — и отвратительным. Проигрывал всё, что у него было, но никогда не одалживал деньги, потому что «проигрывать чужие — последнее дело». Писал стихи — ужасные, витиеватые, полные штампов. Никому не показывал, но я однажды нашла его блокнот. С тех пор дразнила его «нашим Овидием», и он багровел до корней волос.

Джеймс слушал, не перебивая.

— Была Лин. Она видела будущее. Это тяжелый дар, она почти всегда молчала, но иногда... иногда она говорила то, что нужно было услышать. Любила сладкое — в её комнате всегда был тайник с леденцами, любила рисовать. У неё было несколько альбомов с акварельными набросками: лица, города, битвы. Рори. Здоровяк с золотыми руками. Он был физически самым сильным, но эмоционально — самым ранимым. Он влюблялся раз в полгода и каждый раз страдал. Он был страшно неуклюжим в быту. Мог споткнуться на ровном месте, разбить чашку, опрокинуть чернильницу.

Айви замолчала. Джеймс смотрел на неё и видел, как в её глазах плещется боль.

Они посидели ещё немного в тишине, а потом Джеймс встал и пошёл спать. В коридоре, проходя мимо комнаты Элли, он услышал тихий плач. Остановился и прислушался.

Девочка плакала в подушку, стараясь, чтобы никто не слышал.

Джеймс постоял немного, потом пожал плечами и пошёл дальше.

На третий день Айви сказала за завтраком:

— Сегодня мы с Элли поедem в Дагду. Нужно купить ей тёплую одежду и несколько вещей.

Джеймс замер с ложкой у рта.

— Мы?

— Я и Элли, — Айви посмотрела на него. — Ты остаёшься дома. У тебя есть уроки по плану.

— Я могу поехать с вами, — сказал Джеймс, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Не сегодня, — Айви покачала головой. — Элли и так тяжело. Ей нужно время, чтобы привыкнуть. Если мы поедem втроём, она будет чувствовать себя неловко.

Джеймс кивнул и попытался понимающе улыбнуться.

Они уехали после обеда.

Айви оставила его одного. Ради какой-то чужой девчонки..

Джеймс метался по библиотеке, не находя себе места. Он пытался читать — строчки расплывались. Пытался зани-

маться магией — пень во дворе даже не шелохнулся. Пытался думать о чём-то другом — и не мог.

Он знал, что это глупо. Что Айви вернётся. Что она просто выполняет свой долг, помогает человеку, который в беде.

Но внутри всё равно было больно.

Он вспомнил, как в приюте новые дети всегда получали больше внимания. Воспитательницы суетились вокруг них, давали лучшие куски, улыбались. А те, кто был здесь давно, отходили на второй план. Становились невидимыми.

Он не хотел снова становиться невидимым.

Джеймс просидел в кресле битый час, глядя в пустой камин. Потом встал и пошёл наверх.

Он не планировал этого. Просто ноги сами принесли его к двери Айви.

Он толкнул дверь — она не была заперта. Вошёл и остановился на пороге.

Комната Айви была такой же, как он представлял. Простая, почти спартанская. Кровать, застеленная серым покрывалом. Письменный стол у окна. Шкаф, комод у стены.

Джеймс подошёл к комоду. Верхний ящик открылся легко.

Внутри лежали какие-то бумаги, старый платок, засушенный цветок между страницами маленькой книжки. И жестяная коробочка из-под леденцов.

Джеймс взял её в руки. Коробочка была лёгкой, старой, с облупившейся краской. Он открыл крышку.

На дне лежали три фотографии.

Он взял первую. На ней мужчина с рыжими волосами держал на руках двух маленьких девчонок. Девчонки были совсем крошечные, с такими же рыжими вихрами, и смеялись в объектив.

Джеймс перевернул фотографию. На обороте было написано: «Кайл, маленькие Лиза и Марта. Самый счастливый день».

У Джеймса перехватило дыхание. Он не знал, что у Айви есть дети.

Он взял вторую. Двое парней — один весёлый, растрёпанный, с кружкой в руке, второй здоровенный, серьёзный, с большими ладонями. На обороте: «Кевин и Рори. Не давайте Кевину пива, он начинает петь».

На третьей была девушка. Красивая, с печальными глазами. На обороте: «Лин. Она видела больше, чем мы все».

Джеймс смотрел на фотографии, и внутри у него всё холодело.

Друзья. Это были те самые друзья, о которых она говорила с такой болью.

Он перебирал фотографии, рассматривал лица, и вдруг его пронзила мысль, от которой стало трудно дышать.

Неужели Айви любила их так сильно — и всё равно бросила?

Джеймс аккуратно сложил фотографии обратно в коробочку и поставил на место. Закрыв ящик комода. Вышел из

комнаты, стараясь ступать бесшумно.

Он не знал, что чувствовать. Раньше всё было просто: люди либо полезны, либо нет. Либо они дают ему то, что нужно, либо от них можно избавиться. Айви не вписывалась в эту схему. Она давала ему то, что нужно — учила, кормила, заботилась. Но при этом он чувствовал, что этого недостаточно.

Он сидел в библиотеке, глядя в камин, когда услышал стук колёс во дворе. Вернулись.

Джеймс вскочил и подбежал к окну. Из кареты вышла Айви, за ней — Элли. Она стояла в новом пальто — тёплом, синем, с меховым воротником. На ногах были новые ботинки. В руках — свёртки. Она улыбалась робко, неуверенно, а Айви стояла рядом, поправляла ей воротник, и лицо у неё было тёплым.

Джеймс смотрел на них и чувствовал, как внутри всё сжимается.

Джеймс отошёл от окна и сел в кресло. Руки дрожали.

Он успокаивал себя тем, что это временно. Что скоро Элли уедет. Что Айви вернётся к нему, к их вечерам, к их разговорам. Что ничего не изменится.

Но фотографии не выходили из головы.

Айви любила их.

Но всё равно оставила.

Почему?

На следующее утро за завтраком миссис Брукс подала по-

что.

Айви взяла конверт, распечатала, начала читать. И Джеймс увидел, как меняется её лицо.

— Что случилось? — спросил Джеймс, вскакивая.

Айви не ответила. Она смотрела в письмо, и руки у неё дрожали.

Джеймс подошёл, взял письмо из её рук. Она не сопротивлялась.

Он прочитал.

«Леди Айви Хейвен, Магистру льда, Стражу северных рубежей

Леди Хейвен,

С глубоким прискорбием сообщаем вам, что ваш сослуживец, Страж северных рубежей Финн О'Малли, погиб при исполнении служебных обязанностей во время зачистки территории после прорыва Завесы.

Согласно документам личного дела, вы указаны как доверенное лицо и контактный родственник на случай его гибели. Также нам известно, что на время зачистки его несовершеннолетняя дочь, Элли О'Малли, была оставлена под вашу опеку.

Финн О'Малли погиб, прикрывая отход отряда. Тело найти не удалось — тот участок фронта поглотила аномалия. Командование приняло решение не отправлять поисковую группу, чтобы не рисковать людьми.

В связи с гибелью Финна О'Малли сообщаем следующее:

Средства, накопленные за время службы, а также положенное семье погибшего пособие, могут быть получены законным опекуном его дочери. Для оформления доступа к счёту вам необходимо лично явиться в отделение банка с документами, подтверждающими опеку.

Также в гарнизоне остались личные вещи погибшего. Если вы сочтёте нужным, вы можете забрать их в любое удобное время.

Приносим свои соболезнования

Командованию Стражи северных рубежей».

Джеймс поднял глаза на Айви. Она глядела на него уставшими глазами, полными вины.

А потом он посмотрел на Элли.

Девочка сидела за столом, сжимая ложку, и смотрела на письмо.

— Папа? — спросила она тихо.

Джеймсу показалось, что ад только что разверзся у него под ногами.

Глава 10. Джеймс: трещины

Три дня прошло с тех пор, как они получили то письмо.

Джеймс сидел в библиотеке, делая вид, что читает, но на самом деле прислушивался к звукам из гостиной. Айви была там с Элли. Снова. Девочка не выходила из своей комнаты первые сутки после новости об отце, а потом прилипла к Айви, как репей. Ходила за ней по дому, сидела рядом, когда Айви работала с бумагами, засыпала в кресле у камина, дожидаясь, пока Айви закончит.

Айви не прогоняла её.

Джеймс понимал, что это нормально. Что девочка потеряла отца, что ей нужна поддержка, что Айви просто выполняет свой долг. Он всё понимал головой.

Вечерние посиделки у камина прекратились. Айви поднималась к Элли и оставалась там до ночи, а когда спускалась, была такой уставшей, что едва держалась на ногах.

Джеймс остался один.

Он пытался заниматься по плану. Читал учебники, делал записи, выходил во двор и пытался колдовать. Магия не слушалась. Пень стоял мёртвым, трава не росла, лёд не появлялся. Внутри было пусто и холодно, и зверь, который всегда ворочался в груди, притих, свернулся в комок и молчал.

Он знал, что должен чувствовать сострадание. Что нормальные люди в такой ситуации жалеют бедную девочку, по-

терявшую отца. Но внутри не было ничего, кроме холодного расчёта и глухой злости.

Эта девчонка отняла у него Айви. И даже не понимала этого. Просто сидела в своей комнате и плакала, а Айви бегала вокруг неё, забыв про всё на свете. Про него забыв.

Он понимал, что это неправильно, что Элли не виновата. Что горе — это серьёзно. Но понимание не помогало. Злость сидела внутри, пульсировала, росла.

Он налил себе чай, вернулся в библиотеку и сел в своё кресло. Огонь в камине догорал, и в комнате становилось темно. Он сидел и смотрел на угли, пока не услышал шаги Айви в коридоре.

Она вошла, устало опустилась в своё кресло и закрыла глаза.

— Она заснула, — сказала Айви тихо. — Бедный ребёнок. Я еле успокоила.

Джеймс молчал. Он смотрел на Айви и видел, как она устала. Под глазами залегли тени, плечи опущены, руки безвольно лежат на подлокотниках. Она отдавала этой чужой девчонке всё, что у неё было — время, силы, тепло.

— Вы много с ней возитесь, — сказал он наконец.

Айви открыла глаза.

— Ей тяжело, Джеймс. Она только что потеряла единственного родственника. Ей нужна поддержка.

— Я понимаю, — сказал Джеймс. — Но вы тоже устаёте. Может, стоит подумать о том, куда она поедет дальше?

Айви посмотрела на него долгим взглядом.

— Куда поедет?

— Ну, — Джеймс пожал плечами, стараясь говорить небрежно, — Есть же приюты. Или дальние родственники.

— Джеймс, — голос Айви стал жёстче, — У неё никого нет. Её мать умерла, когда она была маленькой, отец погиб. Родственников больше не осталось. Она одна. Как и ты.

— Я не один, — возразил Джеймс. — У меня есть вы.

Айви замолчала. В камине треснуло полено, и сноп искр взметнулся вверх.

— У неё тоже есть я, — сказала Айви тихо. — Пока она здесь, я должна о ней заботиться.

— А что будет потом?

— Я пока не знаю, — ответила она честно. — У неё никого нет. Финн был единственным родственником. Если не найдётся кто-то из дальних, кто захочет её забрать, она останется здесь. Я подала запрос в Канцелярию опеки, нужно подождать ответ. Но сейчас не время об этом думать. Ей нужно прийти в себя, пережить потерю. И я сделаю всё, чтобы ей в этом помочь.

Она встала, подошла к камину, поправила кочергой угли. Джеймс смотрел на её спину и чувствовал, как внутри закипает злость.

— А как же я? — спросил он, и голос его дрогнул.

Айви обернулась.

— Что — ты?

— Вы всё время с ней, — слова вырывались сами, горячие и злые. — Я вообще перестал для вас существовать.

Айви смотрела на него, и в её глазах было что-то, чего он не мог прочесть.

— Ты не перестал, — сказала она. — Просто сейчас она нуждается во мне больше. Это не значит, что я о тебе забыла.

— Нуждается, — повторил Джеймс с горечью. — А я, значит, не нуждаюсь? Я справлюсь сам, да?

Он вскочил с кресла, чувствуя, как дрожат руки. Краем глаза он заметил, как Айви потянулась к его плечу. Но на полпути её рука замерла, дёрнулась назад и упала вдоль тела. Как будто ей было неприятно прикоснуться к нему.

Тёмная горечь поднялась внутри, протягивая свои ядовитые щупальца. Джеймс попытался оттолкнуть её, но не смог. Она росла, заполняла грудь, сжимала горло.

Что с ним было не так? Почему другая волшебница, та, кто стала его наставницей, отказывается прикоснуться к нему, если в этом нет крайней необходимости? С Элли она сидела рядом, гладила по голове, поправляла одеяло. А к нему даже прикоснуться не могла, если не надо было телепортироваться или помочь встать после тренировки.

— Джеймс, — сказала Айви, и в её голосе звучала усталость, — Ты несправедлив. Я не перестала уделять тебе время. У нас были занятия сегодня утром, мы разбирали теорию два часа. Вечером я пришла к тебе, как всегда.

— Вы пришли, потому что должны, — выплюнул он. — А с ней вы потому, что хотите.

Айви молчала. И это молчание было хуже любых слов.

— Я пойду спать, — сказал Джеймс и вышел из библиотеки, не дожидаясь ответа.

В коридоре он остановился, прижался лбом к холодной стене и попытался успокоить дыхание. Глупо. Всё глупо. Она права — она не перестала с ним заниматься, не перестала сидеть с ним вечерами. Просто теперь рядом была ещё одна девочка, которой нужно больше внимания.

Он оттолкнулся от стены и пошёл к себе. Проходя мимо комнаты Элли, он услышал тихий голос Айви — она сидела там, у кровати девочки, и читала ей вслух что-то успокаивающее.

Джеймс сжал кулаки и ускорил шаг.

На следующий день Джеймс принял решение.

Он больше не будет ждать, пока эта девчонка уедет сама. Он сделает так, чтобы она уехала быстрее.

После завтрака Айви ушла в кабинет разбирать бумаги, а Элли отправилась в библиотеку. Джеймс подождал немного и пошёл следом.

Она сидела в кресле у окна с книжкой. При его появлении напряглась, вжалась в спинку.

— Не бойся, — сказал Джеймс, усаживаясь напротив. — Я не кусаюсь. Просто хочу поговорить о том, что будет дальше.

Элли смотрела на него настороженно.

— Ничего не будет, — сказала она. — Папа... папы больше нет. Леди Айви сказала, что я могу пожить здесь, пока не решатся вопросы.

— Какие вопросы?

— Наследство. Опекунство. Я не знаю точно.

Джеймс кивнул, изображая понимание.

— Тяжело, наверное, — сказал он сочувственно. — Потереть отца, остаться одной. Я знаю, каково это. Я тоже сирота.

Элли посмотрела на него с любопытством.

— Правдва?

— Да, я в приюте вырос. Пока леди Айви не забрала меня.

— Она добрая, — сказала Элли тихо.

— Очень, — согласился Джеймс. — Но она не сможет заботиться о тебе вечно. У неё своя жизнь, своя работа. Рано или поздно тебе придётся уехать.

Элли побледнела.

— Куда?

— Не знаю. Может, в приют. Может, к дальним родственникам, если найдутся. Но здесь ты не останешься, это точно.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — сказал Джеймс с уверенностью. — Леди Айви — мой наставник. Она учит меня магии, готовит к Академии. У неё нет времени на чужих детей. Ты здесь временно, Элли. Не привыкай слишком сильно.

Он встал и вышел из библиотеки, оставив девочку сидеть

с побелевшим лицом.

Вечером Элли не вышла к ужину. Миссис Брукс поднялась к ней и вернулась с обеспокоенным лицом.

— Она плачет, — сказала она Айви. — Что случилось?

Айви посмотрела на Джеймса.

— Ты что-то ей сказал?

— Я? — Джеймс изобразил удивление. — Нет. Мы просто поговорили немного в библиотеке.

Айви смотрела на него долго, очень долго. В её взгляде было что-то, от чего Джеймсу стало не по себе.

— Я поднимусь к ней, — сказала она и вышла.

Джеймс остался один в столовой. Он слышал приглушённые голоса наверху, потом шаги, потом снова тишину.

Он победил. Элли снова замкнулась, снова ушла в себя. Айви придётся тратить на неё ещё больше времени, но это ничего. Главное, что девочка поняла: здесь ей не место. Она уедет быстрее, чем планировалось.

Джеймс доел ужин и пошёл в библиотеку. Он сидел там один, смотрел на пустое кресло Айви и ждал. Через час она спустилась.

— Она уснула, — сказала Айви, садясь в своё кресло. — Ты напугал её, Джеймс. Зачем?

— Я не пугал, — возразил он. — Я просто сказал правду. Она здесь временно. Рано или поздно ей придётся уехать. Почему бы не сказать ей об этом сразу?

— Потому что она только что потеряла отца! — голос Ай-

ви впервые сорвался на крик. — Потому что она ребёнок, который сейчас нуждается в поддержке, а не в напоминаниях о том, что у неё нет будущего! Потому что ты, если уж на то пошло, должен был понять её лучше, чем кто-либо!

— Я понимаю, — сказал Джеймс холодно. — Я понимаю, что она чужая здесь. И что вы тратите на неё время, которое могли бы тратить на меня.

Айви смотрела на него, и в её глазах было разочарование. Чистое, холодное разочарование, которое ударило сильнее любого крика.

— Ты прав, — сказала она тихо. — Она чужая. Она просто девочка, которая потеряла семью и оказалась одна в незнакомом месте. И я трачу на неё время, потому что ей это нужно. Но я трачу время и на тебя, Джеймс. Я учу тебя, я забочусь о тебе, я пытаюсь дать тебе то, чего у тебя никогда не было. И я думала... я надеялась, что ты вырастешь другим. Не таким, как те, кто бил и унижал тебя в приюте. А ты... ты ведёшь себя точно так же.

Она встала и вышла, оставив его одного в темноте.

Джеймс сидел, глядя на догорающий огонь, и чувствовал, как внутри разливается что-то холодное и липкое.

Она сравнила его с теми, кто бил его в приюте.

Она сказала, что разочарована.

Она ушла.

Прошло два дня. Два длинных, тяжёлых дня, в течение

которых Джеймс чувствовал себя всё более потерянным.

Айви была рядом — она проводила занятия, сидела с ним вечерами, отвечала на вопросы. Но между ними словно выросла стена из стекла. Прозрачная, но непреодолимая. Она говорила с ним вежливо, спокойно, но в её глазах больше не было того тепла, которое он так ценил.

Элли почти не выходила из своей комнаты. Миссис Брукс носила ей еду и возвращалась с обеспокоенным лицом. Айви проводила с девочкой часы, пытаясь вытащить её из раковины, в которую та забилась после разговора с Джеймсом.

Джеймс наблюдал за этим со стороны и чувствовал, как почва уходит из-под ног.

Он не хотел, чтобы так вышло. Он хотел просто ускорить её отъезд, чтобы всё вернулось на круги своя. А вместо этого Айви смотрела на него с холодом.

По ночам он лежал без сна и представлял, как Айви отводит его обратно в приют. Как говорит: «Я ошиблась, Джеймс. Ты не справился. Ты не тот, кто мне нужен». Как он снова оказывается в серых стенах, среди чужих детей, без магии, без надежды, без неё.

Ужас охватывал его, сжимал горло ледяными пальцами. Он заставлял себя дышать, заставлял себя думать о чём-то другом, но мысли возвращались снова и снова.

На третий день случилось то, чего Джеймс не планировал.

Он сидел в библиотеке и пытался читать, когда в комнату вошла Элли. Она двигалась бесшумно, как тень, и Джеймс

не сразу заметил её. Девочка подошла к книжным полкам и начала перебирать корешки, ища что-то.

Джеймс смотрел на неё и чувствовал, как внутри закипает раздражение. Её присутствие напоминало ему о том, что он всё испортил.

— Что ты ищешь? — спросил он резко.

Элли вздрогнула, обернулась.

— Книгу, — ответила она тихо. — Леди Айви сказала, я могу брать любые.

— Бери и уходи.

Она кивнула, торопливо схватила первую попавшуюся книгу и направилась к двери. Но на пороге остановилась и обернулась.

— Ты злой, — сказала она вдруг. — Я не знаю, почему леди Айви тебя терпит.

Что-то щёлкнуло внутри Джеймса. Та самая дикая сила, которая всегда жила под грудной клеткой, рванулась наружу, прежде чем он успел её остановить.

Элли вскрикнула и схватилась за руку. Книга упала на пол. Джеймс смотрел и не понимал, что произошло — просто воздух вокруг неё сгустился на мгновение, ударил, и девочка побелела от боли.

— Что здесь происходит?

В дверях стояла Айви. Она переводила взгляд с Элли, которая сжимала покрасневшее запястье, на застывшего Джеймса.

— Я не нарочно, — начал Джеймс, но Айви уже подошла к Элли, опустилась рядом с ней на колени.

— Покажи, — сказала она мягко. Девочка протянула руку. На запястье расплывался ожог.

Айви подула на него, провела ладонью, и ожог начал бледнеть, таять. Элли всхлипнула, уткнулась лицом Айви в плечо.

— Всё хорошо, — сказала Айви, глядя её по голове. — Иди к себе, я скоро приду.

Элли кивнула и вышла, не глядя на Джеймса.

Айви поднялась с колен и посмотрела на него. В её взгляде было только разочарование — такое глубокое, что Джеймсу показалось, будто его ударили под дых.

— Ты ударил её магией, — сказала она ровно.

— Я не хотел, — голос Джеймса дрогнул. — Оно само вырвалось, и я просто...

— Просто что? Потерял контроль? Решил, что раз ты сильнее, то можешь делать всё, что хочешь? Что если кто-то тебя обидел, ты имеешь право ответить болью?

Джеймс молчал. Он не знал, что сказать. Потому что именно так он и думал.

— Я тебя учила, — продолжала Айви. — Я вкладывала в тебя время, силы, знания. А ты выбрал самую лёгкую дорогу — дорогу силы и боли. И я не знаю, что мне теперь с этим делать.

Она развернулась и вышла, оставив его стоять посреди

библиотеки с чувством, что мир рушится.

Она больше не сидела с ним вечерами в библиотеке. Теперь её кресло у камина пустовало, а сама она была с Элли. Читала ей, разговаривала, сидела у кровати, пока девочка засыпала.

Элли поправлялась. Ожог на запястье давно прошёл, и девочка начала выходить из своей комнаты, есть за общим столом, даже улыбаться иногда. Айви смотрела на неё с теплом, и это тепло обжигало Джеймса сильнее любой магии.

Он чувствовал себя всё более потерянным. Каждое утро, просыпаясь, он ждал, что миссис Брукс постучит в дверь и скажет: «Леди Айви просит тебя собрать вещи». Каждый вечер, ложась спать, он думал: «Завтра она скажет, что отправляет меня обратно».

Приют снился ему каждую ночь. Серые стены, капустный запах, холодные коридоры. Томас и его прихлебатели. Попечительница Маргарет, которая смотрела на него как на бракованный товар. И голоса: «Ты необучаем», «Ты никому не нужен», «Твоё существование — ошибка».

Он просыпался в холодном поту и смотрел в потолок, пытаясь унять сердцебиение. Айви говорила, что он сильный. Что он сможет контролировать свою магию. Что у него есть будущее.

Но Айви была далеко. И холод в её глазах говорил громче любых слов.

На третье утро Джеймс спустился к завтраку и застал в столовой только миссис Брукс. На столе стоял его завтрак, но Айви и Элли не было.

— Где леди Айви? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Уехали рано утром, — ответила экономка, вытирая руки о передник. — Вместе с Элли. Что-то по поводу наследства и опекуна. Сказали, вернутся к вечеру.

Джеймс кивнул, сел за стол и попытался есть. Кусок в горло не лез.

Наследство. Какое ещё наследство у Элли может быть? У неё ничего нет. Отец погиб, денег почти не оставил, родственников не нашлось.

Он вдруг осознал.

Айви не отдаст её в приют. Она не будет искать дальних родственников. Она сделает эту девчонку своей дочерью — официально, по документам, навсегда.

Мысль ударила как молния. Джеймс вскочил с кресла и заметался по комнате. Нет, не может быть. Она не могла так поступить. Не могла взять в дом чужого ребёнка насовсем, не спросив его, не предупредив, не дав ему времени привыкнуть.

А он останется просто учеником. Просто временным жильцом. Просто мальчиком из приюта, которого взяли на испытательный срок.

Ярость поднялась внутри, горячая, ослепляющая. Джеймс

выбежал из библиотеки, взлетел по лестнице и ворвался в комнату Айви.

Комната была пуста. Кровать аккуратно застелена, на столе ни пылинки. Джеймс стоял посреди этой идеальной чистоты и чувствовал, как ярость разрывает его изнутри.

Он схватил подушку с кровати и швырнул в стену. Потом одеяло. Потом опрокинул стул.

Магия откликнулась мгновенно. Воздух вокруг него загустел, задрожал. Стёкла в окне задребезжали, трещина поползла по стеклу, разветвляясь, как молния. Книги на полке взлетели и рассыпались по полу. Люстра под потолком закачалась, сбрасывая хрустальные подвески, которые разбивались о паркет с мелодичным звоном.

Джеймс крушил всё, до чего мог дотянуться. Он опрокинул этажерку с безделушками, и маленькие фарфоровые фигурки разлетелись вдребезги. Сорвал занавески, и карниз с грохотом рухнул на пол. Пнул кресло, и оно перевернулось, подломив ножку.

Он не замечал слёз, текущих по лицу. Не слышал собственных криков. В голове билась только одна мысль: она меня бросает.

Он подошёл к комоду и рванул ящики. Одежда полетела на пол. Бумаги разлетелись по комнате. И коробочка — та самая жестяная коробочка из-под леденцов — упала к его ногам, крышка отскочила, и фотографии высыпались.

Айви не отдавала свою привязанность просто так. Эти лю-

ди — Кевин, Рори, Лин, Кайл, маленькие Лиза и Марта — они заслужили её любовь. Они были её семьёй. А он...

Магия ударила снова, и фотографии разлетелись. Бумага затрещала, разрываемая невидимыми когтями. Ключки полетели в разные стороны, кружась в воздухе, как снег.

И в этот момент Джеймс понял, что происходит.

Он замер. Ярость схлынула так же внезапно, как и поднялась, оставив после себя звенящую пустоту.

Он смотрел на то, что наделал, и не мог поверить своим глазам. Комната Айви была разгромлена. Всё, что ей дорого, всё, что она хранила, — уничтожено. Его магией. Его яростью.

Перед ним на полу, среди обломков и мусора, лежали клочки фотографий. Лица, которые он видел в тот вечер, когда залез в ящик, теперь были разорваны в клочья. Кайл, смеющийся с дочками на руках, исчез, разрезанный на полоски. Кевин и Рори рассыпались серыми обрывками. Лин с её печальными глазами превратилась в грудку бумажного мусора.

Джеймс стоял, застыв, и смотрел на то, что натворил. В ушах шумело, сердце колотилось где-то в горле.

Какое-то время он не мог пошевелиться. Потом шок сменился паникой, острой, ледяной, выжигающей всё внутри.

Он упал на колени и начал собирать клочки фотографий.

Руки дрожали так сильно, что он не мог удержать даже самые крупные обрывки. Они выскальзывали из пальцев, па-

дали обратно на пол, смешивались с мусором. Он пытался соединить их, совместить обрывки, но они не складывались. Только рвались ещё больше от его неловких прикосновений.

— Получится, — бормотал он себе под нос. — Должно получиться. Я сильный. Она сказала, я сильный.

Единственная мысль пульсировала в голове, не давая дышать и ослепляя ужасом: Айви не простит ему это. Никогда.

Это были единственные фотографии, которые у неё остались. Единственная память о тех, кого она любила.

А он их уничтожил.

Джеймс сидел на коленях среди обломков и пытался собрать то, что собрать было невозможно. Он использовал магию — пытался склеить обрывки, срастить их, вернуть им целостность. Но магия не слушалась. Она только разрывала бумагу сильнее, превращая её в труху.

Он терпел неудачу. Снова терпел неудачу. Как всегда. Как во всём.

Руки дрожали всё сильнее, и впервые в жизни Джеймс почувствовал свой возраст. Четырнадцать лет. Он был просто ребёнком. Глупым, злым, ничёмным ребёнком, который сломал единственное, что было дорого человеку, спасшему его.

Он представил, как Айви вернётся, увидит эту комнату и скажет: «Собирай вещи. Ты уезжаешь».

В приют, к тем, кто был уверен, что он потерпит неудачу.

Он снова окажется отрезанным от магических знаний. Потеряет свой дом, свои книги, свою комнату. Потеряет свою Айви.

Ужас охватил его, пробежал по спине ледяными мурашками. Джеймс сжал клочки фотографий в кулаке и попытался сосредоточиться. Айви сказала, что он сильный. Значит, он должен справиться. Должен починить это всё, пока она не вернулась.

Он сидел на полу, сжимая в руках бумажные обрывки, и пытался заставить магию работать. Пытался представить, как клочки соединяются, как исчезают разрывы, как лица становятся целыми. Ничего не получалось. Магия молчала. Только пальцы дрожали, и слёзы капали на бумагу, размывая чернила.

Он не мог сказать, сколько времени прошло. Может, минута. Может, час. Он продолжал сидеть на коленях, перебирая обрывки, пытаясь их совместить, и чувствовал, как надежда утекает сквозь пальцы вместе с этими бумажными клочками.

В какой-то момент он в отчаянии поднял взгляд и увидел, что Айви смотрит на него с выражением недоверия и удивления на лице.

Он не слышал, как она вошла.

Волна смирения и холода прокатилась по телу. Джеймс медленно выпрямился, встал с колен. Бумажные обрывки посыпались на пол из разжавшихся пальцев.

Он приготовился к крику, к обвинениям, к приказу собирать вещи. Он уже открыл рот, чтобы выдать резкий ответ на любое пренебрежительное замечание, которое услышит.

Айви продолжала смотреть на него, и Джеймс отчётливо увидел тот момент, когда что-то в ней щёлкнуло.

В несколько шагов она преодолела расстояние между ними, упала на колени рядом с ним и обняла, крепко прижала к себе.

Джеймс не мог пошевелиться. Его мозг отключился. Все заготовленные слова, все оскорбления, которыми он собирался защищаться, растворились, не оставив после себя ничего, кроме смятения.

Айви обнимала его. Обнимала с готовностью.

Почему?

Почему она его обнимала? Он испортил её фотографии. Он разгромил её комнату. Он вёл себя как последний зверь, как дикарь, которому место в приюте, а не в нормальном доме. А она обнимала его.

Айви почти никогда не проявляла инициативу в прикосновениях. Она всегда держала дистанцию. А теперь сама прижимала его к себе, и от этого у Джеймса кружилась голова.

— Всё в порядке, — пробормотала Айви, и Джеймс вздрогнул от тепла её дыхания на своих волосах. — Это всего лишь фотографии. Я могу починить их сама. Но даже если бы не смогла, это ничего бы не значило. Ты... ты важнее.

Джеймс слушал и впитывал каждое слово. Они падали внутрь, укоренялись где-то глубоко внутри, в том самом месте, где всегда было холодно и пусто.

Айви отодвинулась — только чтобы стереть мягкими ладонями влагу с его лица. Он что, плакал? Он не заметил.

— Я тебя не брошу, — добавила Айви. — Ни за что.

Джеймс смотрел на неё и не мог вымолвить ни слова. Внутри всё дрожало, ломалось, собиралось заново. Он не понимал, что происходит. Не понимал, почему она не злится. Не понимал, почему обнимает. Не понимал, как можно говорить такие слова после того, что он сделал.

Но одно он знал точно.

Она не врёт.

Глава 11. Айви: точка невозврата

Карета мягко покачивалась на ухабах, унося их обратно в особняк, и Айви смотрела на спящую Элли, привалившуюся к её плечу. Девочка наконец-то уснула после долгого дня, полного беготни по канцеляриям, заполнения бумаг и короткого, но тяжёлого разговора с представителями новой семьи.

Она сочувствовала Элли так остро, что иногда становилось физически больно. Каждую ночь, поднимаясь к девочке, чтобы проверить, как та спит, Айви видела одно и то же — сжавшееся в комок тельце, мокрую от слёз подушку, куклу, прижатую к груди. И каждый раз она садилась на край кровати, гладила тёмные волосы и шептала что-то успокаивающее, пока девочка не засыпала снова.

Но каждую минуту, проведённую с Элли, Айви чувствовала, как в груди разрастается тяжёлый, липкий комок вины.

Джеймс.

Мысли о прошедших днях тяжёлым грузом давили на плечи.

То, как он стоял в библиотеке после того, как ударил Элли магией. Как смотрел на неё с вызовом и страхом одновременно. Как пытался оправдаться, а потом замолчал, потому что понял — оправданий нет.

Она знала это чувство. Знала, каково это — когда злость выплёскивается наружу, не спрашивая разрешения, когда

внутри сидит такой комок боли, что единственный способ не задохнуться — крушить всё вокруг. Она сама прошла через это после смерти Кайла и девочек.

Но она была взрослой. Она справилась. А Джеймсу было четырнадцать, и у него не было никого, кто показал бы ему другой путь.

Кроме неё.

И в тот момент, глядя на заплаканную Элли и застывшего Джеймса, Айви почувствовала острое, режущее разочарование.

Неужели она не справляется?

Неужели все её усилия, все уроки, все разговоры — всё зря?

Она думала, что сможет воспитать его. Думала, что её знаний, её опыта, её терпения хватит, чтобы вытащить этого мальчика из той тьмы, в которую он должен был упасть. А он вместо этого ударил магией беззащитную девочку, которая и так еле держалась на ногах от горя.

Что она делала не так? Где ошиблась? Может быть, стоило быть жёстче? Или наоборот — мягче? Может быть, она вообще не тот человек, который способен справиться с этой задачей?

Мысль пришла неожиданно и ударила под дых: может, стоит отдать его тому, кто справится лучше? Наверняка в мире магов есть опытные наставники, магистры, которые умеют работать с трудными детьми. Люди, у которых нет за

плечами такого груза потерь, которые смогут подойти к делу без эмоций, профессионально.

Но уже через секунду эта мысль показалась ей такой чудовищной, такой неправильной, что она едва не задохнулась.

Отдать его. Как вещь. Именно это с ним делали всю жизнь. Именно этого он боялся больше всего.

А потом, на второй день после того случая, Айви поймала себя на том, что избегает Джеймса.

Не специально. Просто Элли нуждалась в ней больше — девочка почти не спала, просыпалась с криками, и Айви сидела с ней до рассвета, успокаивала, гладила по голове, читала вслух. Днём нужно было заниматься бумагами, ездить в банк и гарнизон. Вечером Элли снова не могла уснуть одна, и Айви снова была с ней.

А Джеймс оставался один.

И только на третий день, когда она зашла в библиотеку за какой-то книгой и увидела его — сидящего в кресле, сжавшегося в комок, с таким потерянным лицом, что у неё сердце перевернулось — она поняла.

Она делала с ним то же самое, что делали с ней в приюте. Игнорировала.

Не специально, не со зла, не потому что хотела наказать. Просто потому, что другой ребёнок нуждался в ней больше. Просто потому, что он казался сильнее, выносливее, способным пережить всё сам. Просто потому, что она устала, вымоталась, и сил на всех не хватало.

Но для него это выглядело иначе.

Для него это выглядело как отвержение. Как доказательство того, что он не важен. Что его можно отложить в сторону, как ненужную вещь, когда появляется кто-то более достойный внимания.

Она знала это чувство. Знала до костей, до дрожи, до ледяного комка в горле. В приюте её игнорировали точно так же — не били, не унижали, просто не замечали. Проходили мимо, смотрели сквозь, уделяли время тем, кто был громче, ярче, заметнее. И это было хуже любой боли. Потому что боль хотя бы означала, что тебя видят. А равнодушие означало, что тебя нет.

Айви тогда, в ту ночь, сидела в библиотеке допоздна, глядя на догорающий огонь, и чувствовала, как внутри всё переворачивается от отвращения к себе. Она стала одной из них. Той, кто делает больно, даже не замечая этого. Той, кто повторяет те же ошибки, которые так ненавидела в других.

Она знала его историю. Знала каждую деталь, каждую чёртову деталь того, как его возвращали трижды, как говорили, что он необучаем, как смотрели на него как на бракованный товар. Знала — и всё равно допустила это. Позволила своим страхам, своей усталости, своей жалости к Элли затмить то, что происходило с ним.

А теперь он ударил Элли магией. Потому что не выдержал. Потому что внутри него накопилось столько боли, что она выплеснулась единственным способом, который он знал

— через силу и разрушение.

И Айви не знала, что делать.

Как вернуть их отношения на прежний уровень? Как объяснить ему, что это не нарочно, что она просто запуталась, просто устала, просто пытается выжить в этом безумном мире, где нужно одновременно быть матерью для чужого ребёнка и наставником для будущего Повелителя Тьмы? Как сказать ему, что он важен, когда все её действия последних дней доказывали обратное?

Чувство вины давило на грудь тяжёлым камнем, не давая дышать.

Она так и не нашла ответа.

А утром пришло письмо из Канцелярии опеки.

— Леди Айви, — сонный голос Элли вырвал её из мыслей.

— Мы скоро?

— Скоро, — ответила Айви, погладив девочку по голове.

— Спи.

Элли послушно закрыла глаза, и Айви снова устала в окно.

День выдался тяжёлым. Сначала поездка в банк, где пришлось оформлять доступ к счетам Финна. Потом в гарнизон за его вещами — небольшая коробочка с одеждой, старый кинжал, потрёпанная книга сказок, которую он, видимо, читал Элли на ночь. Девочка смотрела на эту коробочку, не плакала, только сжимала губы в тонкую линию и молчала.

Айви ожидала худшего. Обычно такие учреждения работали медленно, и найти семью для ребёнка, оставшегося сиротой, было целой проблемой. Но когда они вошли в приёмную, их встретил молодой человек в очках — стажёр, судя по нашивке на рукаве.

— Леди Хейвен? — спросил он, сверяясь с бумагами. — Проходите, пожалуйста. Меня зовут Тайвен, я стажер. Ведущий специалист занят, но я могу принять предварительные документы.

Он провёл их в небольшую комнату, заставленную шкафами с папками, и указал на стулья. Айви усадила Элли и села сама, наблюдая, как стажёр суетливо раскладывает бумаги на столе.

— Я понимаю, что это не совсем моя компетенция, — начал он, поправляя очки, — Но начальник сказал, что дело срочное, а у меня как раз есть опыт работы с сиротами. Я сам из приюта, знаете ли.

Айви посмотрела на него внимательнее. Молодой, лет двадцать пять, с аккуратно причёсанными светлыми волосами и добрыми глазами. В его манерах чувствовалась та особая старательность, которая бывает у людей, пробившихся с самого низа и боящихся оступиться.

— Из приюта? — переспросила Айви.

— Да, — он улыбнулся, но улыбка вышла грустной. — «Летучая обитель» на юге.

Айви кивнула, чувствуя странное родство с этим незнако-

мым человеком.

— Тяжело было? — спросила она, сама не зная, зачем.

Стажёр пожал плечами.

— По-разному. Еда скудная, одежда общая, воспитатели уставшие. Но я хотя бы не знал другой жизни, так что не с чем было сравнивать. А вот те, кто попадал туда после семьи... — он покачал головой. — Им было тяжелее всего. Привыкнуть к тому, что ты никому не нужен — это страшно.

Айви посмотрела на Элли. Девочка сидела, вжавшись в стул, и слушала.

— У неё была семья, — сказала Айви тихо. — Отец. Он погиб на рубежах.

— Я знаю, — стажёр посмотрел на Элли с сочувствием. — Финн О'Малли, Страж северных рубежей. Геройский поступок, прикрывал отход отряда.

Он помолчал, потом добавил, обращаясь к Элли:

— Твой папа был храбрым человеком. Таких не забывают.

Элли подняла на него глаза, и в них впервые за долгое время мелькнуло что-то похожее на гордость.

— Спасибо, — прошептала она.

Стажёр кивнул и снова повернулся к Айви.

— У нас есть для вас хорошие новости, — сказал он, протягивая ей папку. — Нашлась семья. Бывшие Стражи, сейчас на пенсии. Муж и жена из семьи Торн, оба из Неблагого Двора, но с безупречной репутацией. Свой дом в Дагде, небольшое поместье на побережье. Они давно хотели усыно-

вить ребёнка, но всё не складывалось.

Айви открыла папку и пробежала глазами документы. Всё выглядело правильно. Подписи, печати, рекомендации.

— Они согласны удочерить Элли О'Малли, — продолжал стажёр. — Бумаги уже подписаны, осталось только встретиться и забрать девочку.

Айви посмотрела на Элли. Та сжимала в руках куклу и смотрела на неё с надеждой и страхом одновременно.

— Ты не против? — спросила Айви тихо.

— Не знаю, — честно ответила Элли. — А вы как думаете?

— Я думаю, что это хороший шанс, — сказала Айви. — Но решать тебе.

— А если они меня потом вернут? — спросила Элли.

Стажёр посмотрел на девочку с пониманием.

— Я знаю, о чём ты говоришь, — сказал он мягко. — Меня тоже возвращали. Два раза. Первая семья сказала, что я слишком тихий, что им нужен был более живой ребёнок. Вторая — что я слишком много читаю и это ненормально. После второго раза я перестал верить, что меня кто-то захочет.

Элли слушала, не отрывая от него глаз.

— Но потом, когда я вырос, — продолжал стажёр, — Я понял одну вещь. Дело было не во мне. Дело было в них. В том, что они искали не ребёнка, а игрушку. А игрушки можно вернуть, если они не подходят. Но есть люди, которые

ищут не игрушку, которые хотят именно ребёнка. Со всеми его особенностями, со всей его историей. И когда ты находишь таких людей — ты это чувствуешь.

— А как понять? — спросила Элли.

— По глазам, — улыбнулся стажёр. — Смотришь в глаза и видишь — тебя там ждут.

Элли молчала долго. Потом кивнула.

— Я хочу познакомиться с ними.

Встреча состоялась через час в той же Канцелярии. Семья оказалась именно такой, как описывал чиновник: мужчина лет сорока пяти, с обветренным лицом и шрамом на щеке, женщина чуть моложе, с добрыми глазами и крепкими, натруженными руками. Они смотрели на Элли так, будто она была самым драгоценным сокровищем в мире.

— Мы не можем дать ей магического образования, — сказала женщина, когда они остались наедине. — Сами мы не маги, только артефакторы. Но дом у нас тёплый, и любви хватит.

Элли слушала их, сидя между Айви и женщиной, и впервые за долгое время на её лице появилось что-то похожее на надежду.

— А вы не вернете меня потом? — спросила она вдруг.

Женщина посмотрела на неё с такой болью, что Айви стало не по себе.

— Девочка, — сказала она тихо. — Мы двадцать лет жда-

ли, чтобы кто-то появился в нашем доме. Если ты захочешь остаться с нами, мы будем только счастливы.

Элли кивнула и снова уткнулась в плечо Айви.

— Мы уже оформили все необходимые бумаги, — чиновник подвинул к ней стопку документов. — Ваша подпись здесь, здесь и здесь. Девочка останется у вас до конца недели, а в субботу за ней приедет карета от новых опекунов. Они хотят забрать её до наступления холодов, чтобы успеть обустроить в новой комнате.

Документы подписали быстро. Айви поставила свою подпись как временный опекун, дающий согласие на удочерение.

Тайвен снова уткнулся в бумаги, что-то записывая, а потом вдруг поднял голову и посмотрел на Айви с любопытством.

— Леди Хейвен, — спросил он осторожно, — Можно задать личный вопрос?

— Задавай.

— Я слышал, у вас есть ученик. Мальчик из приюта, которого вы взяли под опеку. Это правда?

Айви напряглась.

— Правда.

— И вы его обучаете сами? — Тайвен смотрел на неё с неподдельным интересом. — Простите, я просто... я сам вырос в приюте. И я всегда думал, что если бы у меня был наставник, который поверил бы в меня... моя жизнь сложилась

бы иначе.

Айви смотрела на него и видела — не того успешного молодого человека в строгом костюме, а мальчишку, который когда-то так же, как Джеймс, сидел в серых стенах и ждал, что его кто-то заметит.

— Как ты сюда попал? — спросила она.

— Выиграл стипендию, — Тайвен улыбнулся. — Учился, сдал экзамены, поступил в Академию. Теперь работаю здесь, помогаю таким же детям, каким был сам, найти семью. Иногда я смотрю на детей, которые приходят сюда, и вижу себя.

Он замолчал, словно смутившись своей откровенности.

— Простите, я отвлёкся. Просто... я хотел сказать, что то, что вы делаете — берёте ребёнка из приюта, учите его, даёте ему шанс — это очень важно.

Айви смотрела на него и чувствовала, как внутри неё что-то сдвигается.

— А если я ошибаюсь? — спросила она вдруг. — Если я делаю что-то не так?

Тайвен посмотрел на неё серьёзно.

— Леди Хейвен, я видел много детей, которых возвращали в приюты. Их возвращали не потому, что приёмные родители ошибались. Их возвращали потому, что те родители не хотели пробовать снова. Не хотели бороться. Не хотели ждать, пока ребёнок отгадет. Если вы думаете о том, правильно ли поступаете — значит, вам не всё равно. А это уже больше, чем получают многие дети.

Он помолчал и добавил тише:

— Знаете, что самое важное для ребёнка из приюта? Что-бы был хотя бы один человек в мире, который любит тебя.

Айви отвела взгляд, потому что на глаза наворачивались слёзы.

— Спасибо, Тайвен, — сказала она тихо. — Ты мне очень помог.

Стажер снова залился краской и уткнулся в бумаги.

И теперь они ехали обратно, и Элли спала, привалившись к её плечу, а Айви думала о том, что скажет Джеймсу.

Она решила не говорить ему сразу, по какому поводу они с Элли едут так рано в Канцелерию. Не потому что не доверяла, а потому что боялась — обнадёжит его раньше времени, а потом что-то пойдёт не так. Вдруг семья передумает? Вдруг в Канцелярии найдут какие-то проблемы с документами? Джеймс и так был на взводе последние дни, и лишняя надежда, которая может рухнуть, только навредит ему.

Но теперь, когда всё было подписано, она поняла, что надо было сказать. Нужно было разбудить его и всё объяснить.

— Глупая, — прошептала она себе под нос. — Какая же ты глупая, Айви.

Она слишком хорошо знала, как работает рана отвержения. Знала, что для Джеймса любое молчание, любая недосказанность — это сигнал опасности. Что его мозг, привыкший выживать в приюте, дорисует самые страшные картины, если ему не дать правды.

Но было поздно что-то менять. Карета уже въезжала во двор особняка.

Дождь усилился, барабанил по крыше, стекал по стёклам мутными потоками. Айви отпустила Элли наверх — девочка хотела почитать перед сном — и собиралась пройти в библиотеку, когда что-то её остановило.

Воздух в доме был другим.

Она замерла в холле, прислушиваясь к себе. Магия вокруг вибрировала, дрожала мелкими иголочками, оставляла на коже холодные мурашки. Ярость. Чистая, неконтролируемая ярость, разлитая по всему дому, как пролитые чернила.

Джеймс.

Айви сбросила плащ прямо на пол и побежала наверх. Сердце колотилось где-то в горле, мысли путались. Что случилось? Что он натворил? Не поранился ли? Не навредил ли кому-то?

Дверь в её комнату была распахнута настежь.

Айви влетела внутрь и замерла.

Комната была разгромлена. Разгромлена — это слово не передавало и половины того, что она видела. Кровать перевернута, матрас разорван в клочья, перья из подушек кружились в воздухе, оседая на всё вокруг тонким слоем. Занавески сорваны, карниз валялся на полу, вырванный из стены с кусками штукатурки. Стул лежал на боку с отломанной ножкой. Книги, безделушки, одежда — всё было разброса-

но, разорвано, разбито.

Посреди этого хаоса, на коленях, сидел Джеймс.

Он не заметил её. Он был занят — дрожащими пальцами собирал с пола клочки бумаги, пытался совместить их, соединить. Рыжие волосы с фотографии, смеющиеся глаза, детские улыбки — всё было разрезано на полоски, разорвано на кусочки, рассыпано по полу.

Её фотографии.

Кайл с девочками на руках. Кевин и Рори, Лин.

Айви смотрела на это и чувствовала, как внутри разворачивается холодная пустота. Она помнила тот день, когда нашла эти фотографии в старом альбоме, пережившем пожар чудом, каким-то невероятным случаем. Помнила, как долго собирала их, реставрировала, вкладывала в коробочку, чтобы сохранить. Это было всё, что у неё осталось от тех, кого она любила.

Она должна была разозлиться. Должна была закричать, затопать ногами, вышвырнуть этого мальчишку вон, проклясть тот день, когда согласилась на сделку с Богиней.

Но вместо этого она смотрела на Джеймса.

Он сидел на коленях среди обломков и пытался собрать то, что собрать было невозможно. Пальцы его дрожали так сильно, что он ронял обрывки снова и снова. Плечи тряслись, спина была согнута, и впервые с момента их встречи Айви увидела, что он плачет.

Джеймс Каин плакал.

Тот, кто, согласно его послевоенной биографии, ни разу не плакал в своей жизни. Тот, кто научился прятать боль за холодными улыбками и расчётливыми взглядами. Тот, кто выживал любой ценой — сидел сейчас на полу в её разгромленной комнате и плакал, пытаясь склеить то, что порвал собственной магией.

Айви смотрела на него и видела не того, кто убил её семью в другом будущем. Не монстра, не чудовище, не Повелителя Тьмы.

Она видела мальчишку. Четырнадцать лет. Бледного, испуганного до полусмерти, уверенного, что сейчас его вышвырнут обратно в ту грязь, из которой достали.

И в его глазах, когда Джеймс наконец поднял голову и увидел её, было такое отчаяние, такое смирение перед неминуемой карой, что Айви показалось, будто её ударили под дых.

Она знала это выражение. Это было лицо человека, который только что потерял всё и знает, что ничего уже не исправить.

Джеймс думал, что она выгонит его.

Джеймс думал, что он совершил непростительное.

Джеймс думал, что она бросит его, как ненужную игрушку, как это делали все до неё. Как возвращали всегда, когда он становился слишком сложным, слишком неудобным, слишком настоящим.

И в этот момент, глядя на этого бледного, порочного, сломленного мальчика, Айви почувствовала, как её сердце

наполняется чем-то чистым и горячим. Тем, что она так долго в себе подавляла. Тем, что считала предательством памяти своих погибших. Тем, что боялась чувствовать больше всего на свете.

Любовью.

Она не помнила, как бросилась вперёд. Не помнила, как упала на колени рядом с ним, как обхватила его руками, прижала к себе. Помнила только свои слова, которые лились сами, без контроля, без оглядки на все те правила, что она выстроила за эти месяцы.

— Всё в порядке, — шептала она, глядя его по спине, чувствуя, как он дрожит в её руках. — Это всего лишь фотографии. Я могу починить их сама. Но даже если бы не смогла, это ничего бы не значило. Ты... ты важнее.

Он не отвечал. Не обнимал в ответ. Просто сидел, вжавшись в неё, и дрожал, и Айви чувствовала, как чужие слёзы пропитывают ткань на ее плече.

Часть её сознания, та холодная, расчётливая часть, которая всегда следила за дистанцией, отметила: он не обнимает в ответ. Он не привык, чтобы его обнимали. Он не знает, как на это реагировать. И это было так очевидно, так больно, что Айви захотелось разорвать тех, кто сделал его таким.

Она обнимала его и думала о том, как сильно ошибалась все эти месяцы.

Она думала, что сможет вырастить ребёнка и не поддаваться чувствам. Что сможет быть холодной, дисциплини-

рованной машиной, которая просто выполняет миссию. Что сможет дать Джеймсу дом, знания, комфорт — и при этом не открывать своё сердце.

Какая же глупая.

Она знала, кем был Джеймс Каин. Читала его историю, видела результаты его дел, знала, на что он способен. И в этом мальчишке, которого она сейчас обнимала, действительно была жестокость. И расчётливость. И холодный ум, который в будущем мог бы уничтожать миры.

Но в нём было и другое.

В нём была та же рана, что и у неё. Та же потребность быть принятым без условий. Та же жажда любви, которую он сам в себе отрицал, потому что любовь в его мире всегда была слабостью, всегда приводила к боли.

Она думала, что сможет оставаться в стороне. Ошибалась.

Она думала, что сможет контролировать свои чувства. Ошибалась.

Она думала, что это просто миссия, просто долг, просто обязанность перед миром. Ошибалась.

Потому что сейчас, обнимая этого дрожащего мальчишка, Айви с поразительной ясностью поняла: она не собирается придерживаться первоначального плана.

Она будет позволять себе любить его.

Открыто, честно, без оглядки на прошлое и будущее. Без страха, что эта любовь станет предательством памяти погиб-

ших. Потому что любовь к Джеймсу не отменяла любви к Кайлу, к Лизе, к Марте, к Кевину, к Лин, к Рори. Они всегда будут с ней, в её сердце, в её памяти. Но это сердце было достаточно большим, чтобы вместить ещё кого-то.

Джеймсу это было нужно. Даже если он отрицал, даже если боролся с этим, даже если его холодный ум считал любовь слабостью. Ему нужно было, чтобы его любили. Просто так. Не за достижения, не за потенциал, не за то, кем он мог бы стать. А просто потому, что он есть.

Как нужно было ей самой много лет назад. Как нужно каждому ребёнку, который растёт в холоде и отвержении.

Этот Джеймс ещё не был Повелителем Тьмы. Он был мальчиком, который только учился доверять. Который только начинал понимать, что мир может быть другим. Который нуждался в ней так же остро, как она нуждалась в своих друзьях когда-то.

И все сомнения, все страхи, все тревоги — они больше не имели значения.

Она будет делать то, что считает правильным. Любить его, учить его, быть рядом, несмотря ни на что. И надеяться, надеяться изо всех сил, что этой любви окажется достаточно.

Глава 12. Оттепель

Джеймс отстранился первым.

Айви почувствовала, как он напрягся в её руках, как замер, а потом медленно, очень осторожно отодвинулся. Он не смотрел на неё — уставился в пол, на обрывки фотографий, которые всё ещё лежали вокруг них. Лицо его стало спокойным, почти равнодушным.

— Я не специально, — сказал он ровно. — Оно само вырвалось.

Айви смотрела, как он выстраивает эту стену заново, кирпичик за кирпичиком. Как прячет страх и отчаяние под маской безразличия. Как делает вид, что ему всё равно, выгонят его или оставят.

Она знала этот механизм. Сама пользовалась им годами.

— Я знаю, — ответила она так же ровно, вставая с колен. — Ты не хотел.

Она начала собирать обрывки фотографий. Джеймс сидел на полу, не двигаясь, и смотрел на неё.

— Элли скоро уедет, — сказала Айви, не оборачиваясь. — Мы сегодня были в Канцелярии опеки. Нашлась семья, готовая её удочерить. Через несколько дней за ней приедут.

Джеймс молчал. Айви чувствовала его взгляд спиной, тяжёлый, колющий, полный недоверия.

— Я не сказала тебе сразу, — продолжала она, складывая

обрывки на комод. — Думала, не стоит обнадёживать раньше времени. Вдруг что-то пойдёт не так. Я не хотела, чтобы ты надеялся, а потом разочаровался.

Джеймс опустил голову, разглядывая свои руки. Они всё ещё дрожали.

— Я думал, вы оставите её, — тихо сказал он.

Айви подошла ближе, остановилась в шаге от него.

— Я понимаю, почему ты так подумал, — сказала она. — Я понимаю, почему ты разозлился. Это нормально — чувствовать такое, когда тебе кажется, что тебя снова бросают. Но тебе нужно научиться контролировать свою магию.

Джеймс поднял голову, и в его глазах мелькнуло знакомое выражение — жадное любопытство ученика, готового впитывать знания.

— Потому что ты владеешь Анхилией, — продолжала Айви. — А в этой магии всё связано. То, что ты чувствуешь, становится тем, что ты делаешь. И то, что ты делаешь, влияет на то, что ты чувствуешь. Если ты позволишь гневу управлять тобой, магия будет вырываться наружу каждый раз, когда тебе станет больно. А если ты научишься управлять магией — может быть, научишься управлять и гневом.

Она помолчала, глядя на него сверху вниз.

— Я не злюсь на тебя, Джеймс. Я понимаю, почему ты это сделал. Но такого больше не должно повториться.

Он кивнул.

Айви вернулась к комоду, взяла в руки обрывки фото-

графий. Сосредоточилась, провела над ними ладонью, читая заклинание починки. Воздух вокруг фотографий замерцал, обрывки шевельнулись, потянулись друг к другу, соединяясь.

— Есть ли у заклинания ограничения? — спросил Джеймс из-за спины.

Айви убрала руку и протянула ему фотографии.

— А ты сам посмотри.

Джеймс взял их, всмотрелся. Лица на снимках были теми же — Кайл с дочками, Кевин и Рори, Лин. Но изображение словно пропустили через мутное стекло. Чёткость потерялась, края смазались, цвета поблёкли. Качество ухудшилось заметно, невооружённым глазом.

— Качество стало хуже, — пробормотал Джеймс.

— Да. Чем чаще используешь заклинание на одной вещи, — сказала Айви, забирая фотографии и убирая их обратно в коробочку, — тем больше вещь портится. Магия восстановления не идеальна. Каждый раз, когда ты чинишь что-то заклинанием, оно теряет часть себя. После еще пары применений от фотографии ничего не останется.

Джеймс смотрел на коробочку, и Айви видела, как он прокручивает эту информацию в голове, запоминает, раскладывает по полочкам.

— Я запомню, — сказал он.

Айви кивнула и оглядела разгромленную комнату.

— А теперь помоги мне убрать это безобразия. Миссис

Брукс не должна этого видеть, иначе у неё сердце не выдержит.

Следующие несколько дней текли размеренно, но Айви чувствовала, как что-то меняется.

Они много занимались. Утром — теория, после обеда — практика во дворе, вечером — снова теория в библиотеке у камина. Айви рассказывала об истории Дворов, о структуре Совета, о том, как устроена иерархия в магическом обществе. Джеймс впитывал, запоминал, задавал вопросы — острые, точные, иногда неудобные.

Они перешли к заклинаниям.

Айви адаптировала их под школу Анхилии. Она показывала Джеймсу, как чувствовать магию внутри себя, как выпускать её наружу не рывком, а плавно, как направлять её, а не просто выплёскивать.

Получалось у него пока плохо. Но Айви видела, что он старается.

— Я знаю довольно мало о такой магии, — призналась она однажды вечером, когда они сидели в библиотеке. — Анхилия — древнее искусство. В академиях её почти не преподают, считают устаревшей. То, что я тебе даю — это основы, собранные по крупицам из старых книг и собственного опыта. Дальше тебе придётся разбираться самому.

Джеймс кивнул, принимая это как данность. Он уже привык, что ответы не всегда лежат на поверхности.

В перерывах между занятиями он расспрашивал её о Страже. Айви рассказывала: о структуре, о рангах, о том, как распределяются обязанности на рубежах. О Завесе — о том, что это такое на самом деле, как она истончается, какие твари могут прорываться через неё.

— Стража — это те, кто держит границу, — объясняла Айви. — Между нашим миром и тем, что за Завесой. Твари оттуда иногда прорываются, и если их не останавливать, они могут уничтожить целые города.

— А что такое Завеса?

— Граница. Тонкая плёнка между мирами. Она есть везде, но в некоторых местах тоньше, чем в других. Северные рубежи — как раз такое место. Поэтому там нужна Стража.

— А вы были за Завесой?

— Нет, — Айви покачала головой. — И не хочу. Те, кто туда попадал, редко возвращались. А те, кто возвращался, были уже не совсем людьми.

Джеймс задумался, переваривая информацию.

— А Стражей много?

— Достаточно, чтобы держать границу. Но мало, чтобы чувствовать себя спокойно. Набор идёт тяжело — работа опасная, платят немного, а ответственность огромная. Большинство идут туда или от отчаяния, или потому что семья служила поколениями.

— А вы почему пошли?

Айви посмотрела на него долгим взглядом.

— Потому что мне нужно было куда-то идти, — ответила она честно. — Потому что я умела драться и не боялась смерти. Потому что это была работа, где я могла приносить пользу, не думая о том, что обо мне подумают.

Он кивнул, будто это объяснение имело для него смысл.

— А вы убьете тварь, если она нападёт? — спросил Джеймс.

— Убью, — ответила Айви без колебаний. — Это моя работа.

Он надолго задумался, глядя в огонь.

На пятый день после того случая в гости пришла семья О'Киф.

Айви услышала шум во дворе и выглянула в окно. Из портала выбрался глава семейства — Доил О'Киф, грузный мужчина с лицом, изрезанным глубокими морщинами, и цепкими глазами человека, привыкшего принимать решения. Айви знала его должность: советник при Королеве Неблагого Двора по вопросам северных территорий.

За ним выпрыгивали Шон и Патрик, а следом лениво вышла девушка, которую Айви раньше не видела.

Высокая, чуть выше Айви, с такими же рыжими волосами, как у братьев, собранными в небрежный хвост. Одежда на ней была дорогая, но носилась она её так, будто это старая мешковина — рубаха навывпуск, жилет кое-как застёгнут, штаны заправлены в сапоги впопыхах. На поясе —

небольшой кинжал, не для украшения, по тому, как она двигалась, было видно — умеет обращаться.

Она зевнула, потянулась так, что хрустнули суставы, оглядела особняк на скале и присвистнула.

— Ничего себе у людей аппетиты, — сказала она достаточно громко, чтобы Айви услышала через открытое окно. — Пап, а почему мы так не живём? Ты же в Совете заседаешь, неужели нельзя было урвать кусок побольше?

— Шинейд, — буркнул Доил О'Киф, но беззлобно, скорее для порядка. — Язык придержи.

— Да я просто интересуюсь, — девушка пожалала плечами и направилась к дому, разглядывая фасад с откровенным любопытством. — Красиво, конечно. Сыро только, наверное. И ветрено. У нас в Дагде хоть ветра такого нет, а тут, поди, всю зиму воеет.

— Леди Хейвен! — закричал Патрик, первым заметив её в окне. — Мы приехали!

Айви спустилась вниз, чтобы встретить гостей. Миссис О'Киф поприветствовала ее с корзиной, от которой пахло свежей выпечкой.

— Леди Хейвен, — загремел Доил О'Киф, протягивая ей руку, — Рады видеть! А это наша старшая, Шинейд. Учится в Академии. Всё не могли вас познакомить — то она занята, то вы на рубежах.

Шинейд шагнула вперёд и протянула руку, разглядывая Айви с откровенным интересом.

— Шинейд О'Киф, — представилась она. — Боевой факультет, специализация — тактическая магия и создание проблем профессорскому составу. Очень приятно.

— Шинейд! — миссис О'Киф всплеснула руками.

— Что? — та обернулась к матери с невинным выражением лица. — Я правду сказала. Профессор МакТирнан до сих пор дёргается, когда меня видит.

Айви почувствовала, как уголки губ сами собой ползут вверх.

— Леди Айви из дома Хейвен, — ответила она, пожимая руку. — Магистр льда, Страж северных рубежей. Специализация — замораживание проблем до их возникновения.

Шинейд моргнула, а потом расхохоталась — громко, заразительно, запрокинув голову.

— Пап, она мне нравится! — объявила она. — Оставляем её, не отдаём обратно Страже.

Дойл О'Киф крикнул, но в глазах его мелькнуло одобрение.

— Проходите в дом, — Айви посторонилась, пропуская гостей. — Миссис Брукс уже накрывает на стол.

Пока взрослые рассаживались в гостиной, Джеймс стоял в углу с каменным лицом, наблюдая за происходящим. Шон и Патрик переминались с ноги на ногу, явно не зная, как себя вести. Шинейд плюхнулась в кресло с такой грацией, будто всю жизнь только и делала, что падала в чужие кресла, подхватила чашку с чаем и уставилась на Джеймса с откровен-

НЫМ ЛЮБОПЫТСТВОМ.

— А это, значит, тот самый мальчик, — сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Шон про тебя рассказывал.

Джеймс напрягся, но улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой.

— Надеюсь, только хорошее.

— Ха! — Шинейд фыркнула. — Шон вообще мало что рассказывает, он у нас немногословный. Сказал только, что ты странный и на меня чем-то похож. Я восприняла как комплимент.

— Шинейд, — простонал Дойл О'Киф. — Дай человеку сначала чаю выпить.

— А я что делаю? Я разговариваю, — она отхлебнула из чашки. — Чай отличный, кстати. Миссис Брукс, вы волшебница. В прямом смысле? Нет? А жаль.

Миссис Брукс, которая как раз вносила вторую порцию пирожков, только покачала головой, но улыбнулась.

— У вас чудесный дом, леди Хейвен, — сказала Шинейд, меняя тему с той же скоростью, с какой летала по комнате взглядом. — Очень... спокойный. Не то что у нас. У нас вечно кто-то орёт, что-то взрывается, отец с кем-то спорит по кристаллу связи, мама гоняет прислугу. А тут тихо, мирно. Даже подозрительно.

— Шинейд! — на этот раз рявкнул уже отец.

— Что? Я просто констатирую факт. Леди Айви, вы как это делаете? Магией тишины владеете? Поделитесь секретом, а то в Академии в общежитии такой гомон стоит, что спать невозможно.

— Шинейд учится на боевом факультете, — пояснил Дойл О'Киф, явно пытаясь вернуть разговор в более формальное русло. — Я, честно говоря, надеялся, что она пойдёт по моим стопам, на экономический факультет. Но ей больше по душе... Э...

— Лупить тварей и взрывать всё вокруг, — закончила за него Шинейд. — Я же говорила: Совет — это скучно. Сидеть, бумажки перебирать, интриги плести. А я человек простой: увидел проблему — решил проблему. Желательно магией и с грохотом.

— И как успехи? — спросила Айви.

— На прошлой неделе профессор сказал, что у меня талант, — Шинейд откусила пирожок. — Правда, сразу после того, как я разнесла половину тренировочной площадки. Но талант есть талант, с этим не поспоришь.

Она прожевала пирожок, запила чаем и снова уставилась на Джеймса.

— А ты, значит, Анхилией владеешь? Леди Айви тебя учит?

Джеймс посмотрел на Айви, ища подсказку. Та чуть заметно кивнула.

— Пытаюсь, — ответил он осторожно. — Пока не очень

получается.

— Это нормально, — Шинейд махнула рукой. — У меня тоже сначала ничего не получалось. Пока я не поняла, что если перестать пытаться и просто делать — само выходит. Знаешь, как я первый файербол сотворила? Разозлилась на Шона за то, что он мою книгу порвал, и как шарахнуло. Хорошо, никто не пострадал, только соседские куры обгорели.

— Шинейд, — простонала миссис О'Киф. — Не надо рассказывать про это. Мне до сих пор стыдно перед соседями.

— А чего стыдного? — удивилась та. — Куры — дело наживное. А злость — отличный катализатор магии, между прочим. Главное — вовремя остановиться.

Айви смотрела на эту странную девушку и чувствовала, как внутри оттаивает что-то, замороженное годами одиночества. Шинейд была как глоток свежего воздуха — громкая, бесцеремонная, но при этом удивительно живая. Она говорила то, что думала, делала то, что хотела, и, кажется, совершенно не заботилась о том, что о ней подумают.

— А вы где учились, леди Айви? — спросила Шинейд, переключая внимание обратно. — В Академии я вас не встречала, а я всех мало-мальски известных магов знаю. Ну, или хотя бы тех, о ком можно посплетничать.

— Шинейд! — хором рявкнули родители.

— Да ладно вам, — отмахнулась она. — Леди Айви не из тех, кто обижается на правду. Правда ведь?

Айви усмехнулась.

— Я воспитывалась дома, — сказала она ровно. — Мой опекун был старым магом. Он учил меня сам, по старым книгам, по традициям. В Академию я не поступала.

Шинейд присвистнула.

— И поэтому вы Магистр льда в двадцать? Потому что вас учили по-старому?

— Возможно, — Айви пожала плечами. — Старые методы не хуже новых. Просто о них забыли.

— А где сейчас ваш опекун?

— Погиб, — ответила Айви. — Несколько лет назад. Запечатал мне дом и все свои записи. Так я и оказалась здесь.

Шинейд кивнула, принимая информацию без лишних вопросов. Айви почувствовала благодарность к этой девушке — за то, что она не копала глубже, не пыталась найти нестыковки.

— Жаль, — сказала Шинейд просто. — Хорошие наставники на дороге не валяются. У меня в Академии с этим вообще беда: половина профессоров такие зануды, что хочется уснуть прямо на лекции. А вторая половина — такие зануды, что хочется взорвать аудиторию и сбежать. Есть, конечно, пара нормальных, но только на боевом факультете, там народ простой, без выкрутасов.

— А с мальчишками тяжело? — спросила Айви. — Конкуренция наверное большая?

— Ой, да бросьте, — Шинейд махнула рукой. — Конкуренция — это когда есть с кем соревноваться. А когда ты на

голову выше, это уже не конкуренция, а избивание младенцев. Я на дуэлях троих уложила в первый же месяц — и всё, отношение поменялось.

Она откусила ещё пирожок и добавила с набитым ртом:
— Правда, один до сих пор дуется. Но он вообще дурак, его мнение не считается.

Они проговорили больше часа. О магии, об Академии, о том, как трудно найти общий язык с теми, кто считает, что место женщины — у очага. Шинейд рассказывала забавные истории о сокурсниках — как один профессор случайно подпалил себе бороду во время лекции, как другой пытался учить их магии превращения на собственных туфлях, которые в итоге превратились в двухдохлых крыс, как на практических занятиях по зельеварению у них взорвался котёл и пришлось три часа отмывать потолок.

— Вы бы видели лица наших девчонок с факультета бытовой магии, — хохотала Шинейд. — Они на нас смотрят как на прокажённых. Каждому своё, как говорится.

Айви слушала и смеялась — впервые за долгое время по-настоящему, от души.

Айви чувствовала что-то похожее на зависть. Такая простая, понятная жизнь. Академия, друзья, мечты о будущем.

— А вы? — спросила вдруг Шинейд. — У вас есть друзья?

Айви замерла. Вопрос ударил точно в цель.

— Были, — сказала она тихо. — Но они погибли.

Шинейд посмотрела на неё с пониманием.

— Простите. Я не хотела...

— Ничего. Ты не знала.

Дойл О'Киф, который всё это время молча пил чай и наблюдал за происходящим с лёгкой усмешкой, наконец подал голос.

— Леди Айви, я знаю, вы в Страже северных рубежей служите. Тяжело там?

— Как везде, — ответила Айви. — Твари лезут, люди гибнут. Но держимся.

— Хорошая работа, — Дойл кивнул. — Мы в Совете это ценим. Северные рубежи — важное направление. Если Завеса там истончится окончательно, беды не оберёмся. Я как-то предлагал увеличить финансирование Стражи, но меня, как всегда, заговорили. Бюджета не хватает, знаешь ли.

— Бюджета никогда не хватает, — согласилась Айви. — Особенно когда речь идёт о том, что нельзя потрогать и продать.

— Вот именно! — Дойл стукнул кулаком по подлокотнику. — Я им говорю: твари придут — они же не будут спрашивать, есть у вас бюджет или нет. А они: Дойл, ты паникёр, Завеса держится уже триста лет, никуда не денется.

— Пап, ты опять за своё, — Шинейд закатила глаза. — Мы в гостях, между прочим. Давайте о чём-нибудь весёлом поговорим.

— О чём, например? — спросила Айви.

— Ну, не знаю, — Шинейд пожала плечами. — О том, как вы мальчишку этого воспитываете. Тяжело, поди? Я своих братьев знаю — те ещё монстры.

Джеймс дёрнулся, но промолчал.

— Джеймс — хороший ученик, — сказала Айви спокойно. — Старательный и умный.

Шинейд посмотрела на неё с любопытством.

— А вы его дуэлям учите?

— Пока нет, сначала учу основам.

— А вы, — Шинейд вдруг подалась вперёд, сверкнув глазами, — Вы бы не хотели со мной как-нибудь... ну, спарринг провести?

— Шинейд! — миссис О'Киф схватила за сердце. — Ты что, совсем обнаглела? Леди Айви — Магистр, а ты...

— А что я? — удивилась та. — Я просто хочу поучиться. У кого учиться, если не у лучших? Леди Айви, если неудобно, так и скажите, я не обижусь.

Айви смотрела на неё и чувствовала, как внутри поднимается что-то тёплое. Давно ей не предлагали просто так, по-дружески, помериться силами. В прошлой жизни такие предложения были обычным делом — Кевин вечно дразнил её, вызывая на дуэли, Рори ворчал, но соглашался быть судьёй, Лин сидела в сторонке и комментировала с самым серьёзным видом.

— Приходи, — сказала она. — Когда будешь свободна. Посмотрим, чему вас в Академии учат.

Шинейд просияла.

— Вот это разговор! Пап, слышал? Я буду драться с Магистром льда!

— Слышал, — проворчал Дойл О'Киф. — Только ты, смотри, дом тут не разнеси.

— Да ладно вам, — отмахнулась Шинейд. — Я аккуратно. К вечеру О'Кифы засобирались домой.

— Будем рады видеть вас в гостях, леди Айви, — сказала миссис О'Киф, обнимая её на прощание. — И мальчика своего привозите. Шон с Патриком будут рады.

Шинейд пожала Айви руку, задержав её ладонь в своей чуть дольше, чем требовал этикет.

— Приеду на спарринг, — пообещала она. — Готовьтесь. Я хоть и раздолбайка, но драться умею.

— Буду ждать, — улыбнулась Айви.

Семья исчезла во вспышке телепортационного перехода. Айви обернулась и замерла.

Джеймс стоял на крыльце и вертел в руках что-то, чего раньше у него не было. Небольшой телескоп, изящный, с медными накладками и тонкой гравировкой на корпусе. Магический — это чувствовалось даже на расстоянии.

— Что это у тебя? — спросила Айви, подходя ближе.

Джеймс поднял телескоп, давая ей рассмотреть.

— Шон подарил, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Сказал, у них таких два.

Айви взяла телескоп в руки. Вещь была дорогой. Очень

дорогой. Такие артефакты стоили целое состояние — медь, покрытая защитными рунами, линзы из горного хрусталя с магической огранкой, увеличивающие изображение в десятки раз даже ночью.

— Это слишком дорогой подарок, — сказала она, возвращая телескоп. — Шон не мог просто так тебе это отдать.

Джеймс посмотрел на неё своими невинными глазами.

— Он действительно подарил. Причём думая, что идея его собственная.

Айви вздохнула. Она слишком хорошо знала это выражение лица.

— А на самом деле ты манипулировал им?

— Да, — спокойно ответил Джеймс.

Айви посмотрела на него долгим взглядом. В голове пронеслось множество вариантов — отчитать, наказать, заставить вернуть. Но она выбрала другое.

— Джеймс, — Айви посмотрела на него серьёзно. — Я понимаю, что для тебя это способ выживать. Но не надо тренироваться в интригах на детях. Они не виноваты, что не такие умные, как ты.

Он пожал плечами.

— А на ком мне тренироваться?

— На мне, например, — сказала Айви. — Когда мы начнём обучаться дуэлям. Ты должен будешь попытаться найти лазейку и победить меня.

Джеймс смотрел на неё, и в его глазах разгорался знакомый жадный огонёк.

— Но вы старше, — процедил он. — Вы знаете больше заклинаний. Это нечестно.

— Да, — согласилась Айви. — Но мы будем устанавливать определённые правила и ограничения. А твоя задача — найти способ их обойти и победить. Интриги, манипуляции, хитрость — можешь использовать что угодно. Если ты сможешь меня перехитрить — это будет настоящая победа. Если ты сможешь меня победить, я исполню любое твоё желание.

Джеймс замер.

— Любое?

— В разумных пределах, — уточнила она. — В пределах моих возможностей и моральных принципов.

— А если я попрошу что-то, что вам не понравится?

— Тогда, значит, ты неправильно сформулировал желание, — усмехнулась Айви. — Искусство манипуляции — это ещё и искусство правильно просить.

Он смотрел на неё, и в глазах разгорался тот самый жадный огонёк.

— Договорились, — сказал Джеймс наконец. — Вы точно хотя бы не плачете, когда проигрываете.

— Ты ещё не выиграл, — заметила Айви.

— Ещё, — он поднял палец с назидательным видом. — Ключевое слово — «еще». Я вообще-то быстро учусь. Спросите у Шона, если не верите.

— Шон, кажется, уже не в том состоянии, чтобы давать показания, — сухо ответила Айви. — Он до сих пор, наверное, думает, что сам придумал подарить тебе телескоп.

— А это был не он? — Джеймс изобразил удивление. — Леди Айви, вы меня обижаете. Я просто... помог ему осознать его собственное желание.

— Ты ему его внушил.

— Тонкая грань, — Джеймс развёл руками. — Я предпочитаю называть это «педагогическим воздействием».

Айви остановилась и посмотрела на него. Он смотрел в ответ с вызовом, но в глазах плясали смешинки.

— Ты невыносим, — сказала она.

— Знаю, — он улыбнулся — открыто, почти счастливо.

— Вы сами меня таким воспитали.

— Я тебя воспитываю всего месяц.

— А я быстро учусь. Сами говорили.

Они пошли в дом, и Айви думала о том, что только что сделала. Она дала ему разрешение использовать против неё всё, на что он способен. Дала цель, которая требовала от него не просто силы, но ума, изобретательности, умения просчитывать на несколько шагов вперёд.

Она ещё не знала тогда, к чему приведёт эта идея.

Глава 13. Джеймс: экскурсия по миру

784 год от Эры Истинных Магов.

«В первый год Эры мы заложили камни. В девятый — возвели башни. Говорят, Академия простоит до тех пор, пока в мире есть магия. Говорят, она переживет даже богов. Я хочу верить, что через сотни лет здесь будет так же тихо и спокойно, как в этот рассвет».

Из дневника зрителя строительных работ, 9 год ЭИМ

В последующие дни жизнь в особняке Хейвен текла размеренно, но что-то неуловимо изменилось. Дистанция, которую Айви так долго и тщательно выстраивала, исчезла — не в один момент, а постепенно, словно лёд, тающий под весенним солнцем. Она больше не отводила взгляд, когда Джеймс ловил её на странном выражении лица, не отдёргивала руку, если их пальцы случайно соприкасались за столом, и позволяла себе задерживаться в библиотеке после ужина дольше положенного, просто чтобы посидеть у камина в тишине, которая больше не была напряжённой.

Джеймс осознавал, что впервые в жизни не просчитывает каждый свой шаг, не взвешивает каждое слово. С Айви это оказалось просто — она либо парировала его выпады с убийственной невозмутимостью, либо вообще не обращала

внимания, и оба варианта его устраивали.

Они завтракали вместе, и Джеймс позволял себе язвить по поводу её манеры резать тосты (неровно, между прочим, просто возмутительно для человека, который умеет создавать идеальные кристаллы льда). Она в ответ советовала ему не чавкать, хотя он никогда в жизни не чавкал, просто ей хотелось его поддеть. После завтрака они занимались — теория, практика, снова теория, и в перерывах Джеймс забрасывал её вопросами, на которые она отвечала с терпением, граничащим с чудесным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.